

ОН ЗНАЕТ О ТЕБЕ ВСЕ.
ДАЖЕ ТО, ЧЕГО ТЫ САМА
НЕ ПОМНИШЬ.

ПОДПИСЧИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ТЫ НЕ ВИДИШЬ ЕГО.
НО ОН ВСЕГДА **РЯДОМ.**

18+

Nia Ashcroft

Подписчик

<https://litres.ru/74425013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она - популярный блогер с 8 миллионами подписчиков.

Он - одержимый сталкер.

Обычным утром она просыпается и обнаруживает, что все её аккаунты взломаны и удалены.

Он терроризирует её сообщениями, и однажды ночью она просыпается и видит его в кресле напротив.

Она не знает его лица.

Он знает её от и до, потому что наблюдает за ней гораздо дольше, чем она думает.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	6
Глава 2	27
Глава 3	51
Глава 4	63
Глава 5	84
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Nia Ashcroft

Подписчик

Пролог

— Что? — я медленно повернула голову в сторону кресла.

— Сегодня тоже хочешь посмотреть?

Он сидел в темноте. Я не видела его лица — только знакомый силуэт в чёрном капюшоне, неподвижный, почти сливающийся с креслом у окна.

Ни ответа, ни движения. Только ощущение его взгляда на моей коже.

Я улыбнулась.

— Или сегодня у тебя другие планы?

Тишина.

Я медленно подошла немного ближе, так, чтобы лунный свет от окна освещал мое тело. Подняла руку, и начала медленно развязывать пояс шелкового халата.

Его руки, которые до этого расслаблено лежали на подлокотниках, сжались.

Внутри меня вспыхнуло удовлетворение.

Не ты один можешь играть в эту игру, ублюдок.

— В прошлый раз ты был куда разговорчивее.

Его голова чуть наклонилась.

— Джосс.

От его хриплого голоса у меня по спине пробежали мурашки.

Медленно развязала пояс и обнажила перед ним полную грудь. В свете луны она казалась особенно нежной и чувствительной. В комнате стало так тихо, что я слышала, как у него перехватило дыхание.

Не спеша подошла к прозрачному журнальному столику и села на край. Откинулась назад, опираясь ладонями о холодное стекло, и запрокинула голову.

— Что случилось? — тихо спросила я. — Язык проглотил?

Он молчал.

Я повернула голову в его сторону.

— Или тебе нравится только смотреть?

Глава 1

Сначала я решила, что Инстаграм просто лёг.

Такое случилось, и, учитывая количество людей, которые ежедневно пытались загрузить туда фотографии своего завтрака, ребёнка, собаки или полуголой задницы, удивительно было не то, что приложение иногда зависало, а то, что оно вообще продолжало работать.

Я сидела на кровати, завернувшись в махровый белый халат, и, ещё не до конца проснувшись, лениво обновила страницу.

Пользователь не найден.

Я нахмурилась и снова потянула экран вниз, подождала несколько секунд и повторила попытку. Ничего не изменилось.

— Цукерберг, да что там у вас происходит! — резко выкрикнула я в пустоту.

Бони, мирно спавшая в кресле у окна, мгновенно встрепенулась и посмотрела на меня с привычным кошачьим презрением.

— Не смотри на меня так. Я тоже не в восторге.

Она медленно отвернулась.

Я закрыла приложение, подождала несколько секунд и открыла его снова. Вышла из аккаунта, ввела пароль, который за столько лет знала уже лучше, чем номер собственного те-

лефона, и стала ждать.

Пользователь не найден.

Сердце болезненно сжалось от плохого предчувствия.

Я сидела неподвижно, глядя на экран, и пыталась придумать происходящему нормальное объяснение. Сбой. Ошибка приложения. Временная блокировка. Проблемы с серверами. Что угодно, что можно будет исправить одним звонком человеку, который получает от меня зарплату именно за то, чтобы подобные вещи не происходили.

Я открыла браузер и ввела свой ник, чтобы посмотреть виден ли

мой профиль другим людям.

Пользователь не найден.

В груди неприятно кольнуло и я быстро набрала уже своё настоящее имя в поисковике. Мой профиль в гугле, старые фотографии из постов, рекламные баннеры, ссылки на интервью на ютубе. Всё на месте.

Я уже собиралась закрыть браузер, когда заметила, что одна из обложек на ютубе с моим последним интервью стала серой. Я нажала на неё, несколько секунд на экране крутился знакомый значок загрузки.

Ошибка.

— Что за... — Я вернулась назад и нажала на интервью.

Ошибка.

Открыла ссылку рекламной кампании с тренажерным залом.

Страница не найдена.

Я почувствовала, как в животе медленно начинает собираться холодный, неприятный ком. Я быстро набрала номер Оливии. Она ответила почти сразу.

— Доброе утро. Ты уже...

— Оливия, что происходит, почему мои проекты удаляются?!

На другом конце повисла короткая пауза.

— В смысле — удаляют?

Я снова посмотрела на экран.

Страница не найдена.

— В прямом. Gfit удалили мой коллаб, интервью для Blog Talk тоже исчезло.

— Подожди. Как это — исчезло?

Сонная расслабленность мгновенно исчезла из её голоса.

— Я не знаю, Лив. И инстаграм тоже пишет, что пользователь не найден. Я попробовала войти снова. Через почту тоже. Меня что, отменили?! Почему я не в курсе, Лив?! Что происходит?

— Ты говоришь про основной аккаунт?

Я закрыла глаза.

— Да, Оливия. Про тот самый основной аккаунт. С семью миллионами подписчиков, контрактами, рекламными интеграциями и всей моей грёбаной жизнью.

Несколько секунд она молчала.

Я знала Оливию достаточно давно, чтобы понимать: если

она молчит, значит, уже проверяет информацию.

— Хорошо. Не паникуй.

— Я не паникую.

— Джоселин.

— Пока не паникую.

— Я еду к тебе. Ничего не удаляй, не меняй пароли и не пытайся самостоятельно восстановить доступ ещё десять раз.

Я посмотрела на экран.

— Уже пыталась четыре.

— Значит, остановись на четырёх.

— А если...

— Не накручивай себя. Мы сначала должны понять, что произошло.

Она отключилась раньше, чем я успела ответить.

Я медленно опустила телефон.

За окнами квартиры Нью-Йорк уже окончательно проснулся. С высоты тридцать седьмого этажа город выглядел почти нереальным. Стекланные фасады ловили холодный апрельский свет, внизу медленно двигался поток машин, а между зданиями виднелись крошечные фигурки людей, спешащих по своим совершенно обычным делам.

Я на автомате вышла на кухню, чтобы исполнить свои ежедневные утренние обязанности единственного кормильца вечно голодной кошки. Я смотрела на то как Бони ест, с удовольствием причмокивая над мокрым кормом, впервые

не испытывая при этом умиления. Внутри меня нарастало тревожное ощущение, что прямо сейчас происходит что-то очень плохое.

Телефон снова завибрировал.

Я резко посмотрела на него.

Я проверяю сайт. У тебя он открывается?

Я включила свой ноутбук и дрожащими пальцами открыла браузер.

Мой официальный сайт ещё несколько минут назад выглядел совершенно нормально. Теперь, вместо главной страницы висел белый экран.

Я обновила.

Страница недоступна.

Через минуту пришло новое сообщение.

Джосс, сайт лёг.

Я написала:

Что происходит?

Ответ пришёл почти сразу.

Не знаю. Лив уже всем занимается.

Я смотрела на эти слова и чувствовала, как внутри начинает подниматься тревога.

Сначала Инстаграм, теперь сайт. Я открыла поисковик ещё раз, чтобы проверить остальные ссылки. Всё на месте.

Я пыталась удержаться за эту мысль до тех пор, пока Оливия не приехала.

К полудню в моей квартире уже находились люди, которых я раньше видела только на видеозвонках. Двое специалистов по кибербезопасности заняли кухонный стол, ещё один устроился в гостиной, Оливия одновременно разговаривала по телефону и печатала кому-то сообщения, а мой менеджер Алекс пыталась дозвониться до рекламодателей, которые удалили мои проекты.

В какой-то момент я перестала понимать, кто именно за что отвечает. Я просто ходила туда-сюда по квартире и пыталась вникнуть что происходит.

— Ну что там? — спросила я, останавливаясь напротив одного из специалистов.

Он поднял на меня взгляд.

— Мы пока проверяем.

— Вы тоже самое мне говорили сорок минут назад.

— Джоселин, я понимаю, что вы нервничаете...

— Нет, — перебила я. — Вы не понимаете. Если бы понимали, вы бы сейчас не говорили мне, что я нервничаю.

Оливия подняла голову от телефона.

— Джосс.

Я провела ладонями по лицу.

— Мы видим признаки несанкционированного доступа.

Я замерла.

— То есть?

— То есть это не просто сбой.

Тревога, которая всё утро сидела где-то глубоко внутри, наконец подняла голову.

— Меня взломали?

— С большей долей вероятности.

Я глубоко вздохнула, почувствовав странное облегчение. Никогда не думала, что буду радоваться, что меня взломали. Взлом я могу пережить, массовую отмену – нет.

— Хорошо, — сказала я. — Хорошо. Значит, вы можете это исправить.

Он ответил не сразу.

— Почему вы молчите?

— Боюсь, что проблема может быть шире, чем один аккаунт.

Я медленно повернулась к Оливии.

Она уже смотрела на меня.

В этот момент один из телефонов на кухонном столе зазвонил.

Алекс быстро схватила телефон, чтобы ответить. Все замерли в ожидании её реакции. Несколько секунд она напряженно слушала, затем её лицо помрачнело.

— Что? — выпалила я, как только она положила трубку.

— Один из каналов, где выходило твоё интервью в прошлом году, удалил эфир.

— Удалил?

— Да.

— Почему?

— Они пока не знают.

— Что значит «не знают»?

— По словам представителей канала, решения об удалении контента не выносилось. Это произошло... само.

Я почувствовала, как холодеют пальцы. Схватила телефон и снова ввела своё имя.

Поиск загрузился, и я нажала на одну из ссылок и я даже успела увидеть собственную фотографию, затем экран обновился.

Страница не найдена.

Я застыла.

— Вы это видели?

Никто не ответил, потому что все видели. Специалист по кибербезопасности, который теперь выглядел встревоженным, встал из-за стола.

— Джоселин, — сказал он. — Это не похоже на обычный взлом.

— А на что это похоже?

— Если мы восстановим хронологию, то получается что сначала исчез ваш основной аккаунт, потом доступ к сайту. Сейчас начали пропадать отдельные публикации, интервью и рекламные материалы.

Я смотрела на него, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее.

— Кто-то не просто получил доступ к вашим данным.

Я почувствовала, как всё внутри медленно сжимается.

— Тогда что?

Он снова посмотрел на экран.

— Кто-то методично стирает ваш информационный след.

Я даже не сразу поняла смысл сказанного.

— Это как?

Он повернулся ко мне.

— Это значит, что кто-то последовательно удаляет всё, что связано с вами. Не

только аккаунты, вообще всё.

— Зачем? — спросила я.

Никто не ответил.

— Зачем кому-то это делать? Сказала я уже громче.

Специалист снял очки и потёр переносицу.

— Возможно, чтобы потребовать деньги. Как один из вариантов.

— Они удаляют десять лет моей работы ради денег?

— Мы пока не знаем.

Я рассмеялась. Звук получился нервным и каким-то чужим.

— Прекрасно. Значит, у меня есть несколько миллионов причин надеяться, что кто-то просто хочет денег.

— Джосс, — тихо сказала Оливия.

Я отвернулась от них и подошла к окну, чтобы скрыть подступившие слезы.

Я всегда говорила, что цифры ничего не значат. Это бы-

ла одна из тех фраз, которые прекрасно звучали в интервью. На самом деле я знала точное количество своих подписчиков практически в любой момент дня. Если число падало на несколько тысяч, я замечала это раньше, чем то, что у меня закончился кофе.

Я не просто показывала людям свою жизнь. В какой-то момент я превратила её в продаваемый продукт: книги, которые я читала, становились рекламной интеграцией с книжным клубом, одежда, которую носила, — ссылками и промокодами. Поездки превращались в коллаборации, ужины — в рекламу ресторанов, а плохое настроение вполне могло стать идеальной подводкой к интеграции психологического центра.

Восемь миллионов человек не появились из воздуха. За этой цифрой были годы работы, сотни бессонных ночей, тысячи фотографий и видео, которые никто никогда не увидит, потому что я сочла их недостаточно хорошими. Были контракты, которые я выгрызала буквально у сотен других таких же голодных до славы людей, как я сама. Были бренды, которым сначала приходилось доказывать, что я чего-то стою, и первые несколько лет, когда один неудачный пост мог означать, что в следующем месяце нам с Боней будет нечем платить за квартиру.

А теперь кто-то методично, хладнокровно и, судя по всему, без особой спешки стирал моё существование.

Телефон снова завибрировал.

Я резко обернулась.

— Что ещё? — сказала слишком резко.

Алекс посмотрела на экран.

— Ещё две ссылки пропали.

У меня внутри всё оборвалось.

— Сделайте же хоть что-то! Я сорвалась на истеричный крик.

Один из специалистов быстро что-то напечатал, переключаясь между окнами. Второй поднял на меня взгляд, и выражение его лица мне сразу не понравилось.

— Мы работаем, — сказал он. — Но сейчас нам нужно понять масштаб доступа. Пока мы можем подтвердить несанкционированный доступ к вашим аккаунтам и связанным сервисам. Но если злоумышленник получил ваши учётные данные или доступ к резервным ключам, нельзя исключать, что этим всё не ограничилось.

— Не ограничилось чем?

— Вашими устройствами.

На секунду я перестала дышать.

— Что?

— Мы не утверждаем, что он получил к ним полный доступ, — быстро уточнил специалист. — Но ваши телефон, ноутбук, планшет... всё, что синхронизировано с вашими аккаунтами или облачным хранилищем, сейчас необходимо проверить.

Я медленно посмотрела на телефон, лежавший на жур-

нальном столике.

— Потому что тот, кто это сделал, очень хорошо знает, как не оставлять следов.

Я почувствовала, как внутри неприятно холодеет.

Мозг тут же, совершенно против моей воли, начал перебирать всё, что могло оказаться в чужих руках. Фотографии. Переписки. Документы. Архивы, которые я когда-то отправляла себе на телефон, а потом благополучно забывала о них. А потом мысли пошли в совсем другом направлении. Обнажённые фотографии. Не те, которые можно было выложить в Инстаграм, удачно прикрывшись простынёй и назвав это эстетикой, а те, которые никогда не предназначались для чужих глаз.

Я судорожно попыталась вспомнить, где именно они могли храниться. В телефоне или в облаке? Или вообще на старом телефоне, который я включала последний раз, наверное, в прошлом году. В памяти тут же начали всплывать снимки, о существовании которых я предпочла бы не вспоминать. Видео. Я почувствовала, как к щекам приливает кровь. И это ещё до того, как я вспомнила обо всём остальном: неудачно сформулированные сообщения, старые ссоры, жалобы на людей, с которыми теперь приходилось улыбаться друг другу на мероприятиях. Всё то, что можно было вырвать из контекста, выложить в сеть и превратить в публичную казнь — достаточно было правильно выбрать несколько фраз, добавить к ним нужный заголовок, а дальше интернет с удоволь-

ствием сделал бы всё остальное сам.

Я слишком хорошо знала, как это работает.

Сегодня ты публикуешь неудачный скриншот, а уже завтра тысячи людей, которые до этого знать тебя не знали, требуют, чтобы тебя отменили, послезавтра бренды удаляют твои фотографии и делают вид, что никогда тебя не знали, а послепослезавтра ты уже никто. Очередная жертва интернета. И никого особенно не волнует, что на самом деле произошло.

— Что мне делать? — спросила я.

— Для начала мы заберём ваши устройства на проверку, — ответил специалист. Телефон, ноутбук, планшет. Всё, что может быть связано с вашими аккаунтами.

— Отлично, — пробормотала я. — Просто прекрасно.

Он кивнул, словно не заметил сарказма.

— И ещё нам нужно понять, кто мог это сделать.

Я подняла на него глаза.

— В каком смысле?

— Кто-то, кто мог желать вам зла. Конфликты в последнее время, бывшие сотрудники, партнёры, знакомые?

Я несколько секунд смотрела на него.

Потом нервно рассмеялась.

— Кто мог желать мне зла?

— Да.

Я обвела рукой комнату.

— Даже не знаю. Бесконечность, помноженная на восемь

миллионов?

Оливия тихо фыркнула, но специалист не улыбнулся.

— Я серьёзно, Джоселин.

— Я тоже. Вы знаете, сколько людей пишут мне гадости за неделю? Кто-то ненавидит меня за рекламу. Кто-то за политику, хотя я вообще стараюсь не говорить о политике. Кто-то за то, что я слишком худая, слишком толстая, слишком красивая, слишком некрасивая, накрашенная или, наоборот, недостаточно красивая без макияжа.

— Мы говорим не о комментариях. Возможно, были угрозы?

Я хотела ответить сразу. Конечно были, каждый день кто-то так или иначе накидывал негатива. Интернет это идеальное место для слива агрессии и неудовлетворенности своей жизнью. Именно это я и собиралась сказать, но слова почему-то застряли в горле.

Я медленно повернулась к нему.

— Какие именно угрозы?

Специалист чуть нахмурился.

— Не знаю. Повторяющиеся. Личные. Может быть, от одного и того же человека.

Такие, которые выбивались из общего потока.

И вот тогда я замерла.

Оливия заметила это первой.

— Джосс?

Я не ответила.

Перед глазами всплыл ник. @*Follower0812*.

Я прижала обе руки к губам в тревожном жесте.

— Вообще-то... — начала я и тут же замолчала. — Был один человек, — наконец сказала я.

Оливия посмотрела на меня.

— Какой человек?

— Я не знаю.

— В смысле?

— В прямом. Я не знаю, кто он.

Специалист перестал печатать.

— Он писал вам?

Я медленно кивнула.

— Иногда.

— Как часто?

— По-разному. Он появился ещё давно, когда мой аккаунт только начинал расти, — продолжила я. Сначала просто писал. Потом я начала узнавать его по нику.

— *Follower*? — спросила Оливия.

Я бросила на неё быстрый взгляд.

— Да.

— Тот самый, который странный?

— Он не всегда был странным.

И это, пожалуй, было самым неприятным. Если бы этот *Follower* самого начала писал мне только угрозы, я бы давно его заблокировала. Забыла. Передала аккаунт менеджеру и больше никогда не вспоминала.

— Но он писал другое. Иногда он был...заботливым. Спрашивал, всё ли в порядке. Помнил какие-то мелочи. Иногда его сообщения были настолько нормальными, что я ловила себя на том, что отвечаю, а потом, совершенно без всякой причины, он мог написать что-нибудь такое, после чего мне хотелось несколько раз проверить, точно ли закрыта ли дверь.

— Что именно? — спросил специалист.

Я нахмурилась.

— Разное.

— Например?

Я помолчала.

— Он мог написать, что я забыла выключить свет на кухне. Или что мне пора поменять лампочку в коридоре. Или, например, чтобы я больше не встречалась с тем или иным человеком.

Специалист нахмурился.

— Он знал, где вы живёте?

— Нет.

Я ответила слишком быстро и тут же пожалела об этом.

— Я не знаю.

В комнате стало тихо. Оливия перестала улыбаться.

— Джосс...

— Это звучит...тревожно.

— Вы можете показать нам переписку?

Я замерла на секунду.

— Он всегда писал мне в Instagram. Переписка исчезла вместе с аккаунтом, —

тихо сказала я.

Специалист посмотрел на меня внимательнее.

— То есть сейчас у вас не осталось ни одного сообщения от него?

Мне вдруг стало не по себе.

— Нет.

— О чем были его последние сообщения?

— Я... не знаю. В последнее время так много всего происходило. Я не помню.

— А точное название его ника?

— Да, *@follower0812*

— Хорошо, мы с этим разберемся, пожалуйста, не переживайте и не предпринимайте никаких действий самостоятельно. Мы с вами свяжемся. — Специалист медленно поднялся со стула.

— Вы думаете, это он? — нервно спросила я. Оливия тоже замерла, ожидая его реакции.

— Трудно сказать, — наконец произнёс он. — Сейчас у нас слишком мало информации.

Он взял со стола телефон и посмотрел на экран.

— Нужно ждать. Если это обычный взлом с целью выкупа, они скоро дадут о себе знать. Обычно в таких случаях

преступники сами выходят на связь.

Он сделал паузу.

— Но если это действительно ваш сталкер... Он не договаривал.

Мой...*кто*?!

— Что тогда? — спросила я.

Специалист посмотрел на меня.

— Тогда всё может быть гораздо сложнее и нужно будет обратиться в полицию.

К вечеру, когда все уже начали расходиться и захлопнулась дверь за последним гостем, я с головой погрузилась в пучину собственных размышлений. Что, если это действительно был он? Я столько лет воспринимала его просто как одного из своих подписчиков. Чуть-чокнутого. Фанатичного. Иногда навязчивого. Но всё-таки подписчика. Я никогда не воспринимала его всерьёз, даже когда он писал вещи, от которых мне становилось не по себе. Я убеждала себя, что за экраном просто сидит еще один одинокий человек, просто странный парень в интернете, который пишет комментарии всем подряд. Но теперь я впервые позволила себе подумать о другом:

А что, если он вообще никогда не был моим фанатом? Что, если за этим ником скрывался человек, которому было нужно от меня совсем

не то, что я думала? И самое страшное — вдруг *Follower* вообще никогда не существовал? Что, если за этим аккаунтом всё это время был кто-то совсем другой? Кто-то, кто никогда не смотрел на меня, как на кумира. Кто-то, кто просто хотел, чтобы я поверила, что он мой фанат. И впервые за десять лет публичности мне стало страшно от того, насколько много этот человек мог узнать обо мне из моего же блога.

Я прошла в спальню и только успела сесть на край кровати, как в дверь позвонили.

Кажется, Алекс оставила на кухне папку с документами.

— Чёрт.

Наверное, вернулась.

Я даже не стала смотреть в глазок. Подошла к двери и открыла. На пороге стоял незнакомый мужчина в форме службы доставки. И держал в руках огромный букет.

Настолько огромный, что из-за него почти не было видно его самого.

Я застыла.

— Джоселин Риверс?

— Да.

Он улыбнулся и немного приподнял букет.

— Это вам.

Я машинально посмотрела на цветы.

Мои любимые белые лилии.

Я несколько секунд ничего не говорила.

— От кого?

Мужчина заглянул в свой телефон.

— Здесь указано... — он провёл пальцем по экрану. —

От вашего подписчика.

Внутри что-то неприятно дёрнулось.

— Моего... подписчика?

— Да.

Он снова улыбнулся, совершенно спокойно, будто доставлял обычный заказ.

— Пожалуйста, распишитесь о получении.

Я не двигалась.

— А кто отправитель?

— К сожалению, не указано. Только «от вашего подписчика».

Он протянул мне телефон для подписи.

Я посмотрела на букет.

Лилии были свежими. На некоторых лепестках ещё блестели капли воды. Их было, наверное, штук тридцать, если не больше.

Я знала, к чему был этот жест. Когда-то давно, ещё до того, как мой аккаунт стал большим, я выложила сторис из цветочного магазина моей подруги, где заявила, что если когда-нибудь и решу выйти замуж за мужчину, то это будет только тот, кто подарит мне белые лилии.

Потом я забыла об этой сторис.

Похоже, кто-то — нет.

— Мисс Риверс?

Я наконец поставила подпись, и мужчина отдал мне букет.
— Хорошего вечера.

— Спасибо.

Я поспешила закрыть дверь. Находиться рядом с незнакомцами больше не казалось безопасным, даже в таком хорошо охраняемом доме.

Я медленно поставила букет на пол. Сверху лежала маленькая белая карточка. Я смотрела на неё несколько секунд, прежде чем решилась перевернуть.

На обратной стороне было написано всего несколько слов.

Я всегда помню, что ты любишь.

Телефон на столе вдруг завибрировал. Я резко отшатнулась. Сообщение от Оливии.

Я дома.

Я медленно опустилась на пол, прислонившись спиной к стене. Меня охватил такой сильный страх, что несколько секунд я не могла заставить себя даже пошевелиться. И только тогда заметила ещё одну деталь: на карточке не было даты, не было номера заказа, не было имени отправителя. Только одна маленькая цифра в самом нижнем углу.

0812.

Глава 2

— Оливия, срочно приезжай! — Я кричала так громко, что сама едва слышала собственный голос.

— Джосс? Что случилось?

— Он здесь! Он сейчас здесь! Господи, Лив, приезжай, пожалуйста! Он меня прикончит!

— Кто?!

— Он! *Follower*!

Я метнулась к двери и снова проверила замок. Потом ещё раз подергала ручку, хотя прекрасно видела, что она заперта.

— Джосс, успокойся. Где ты?

— Дома!

— Ты одна?

— Да! То есть нет... то есть теперь одна! Все ушли, а он прислал мне цветы!

— Какие цветы?

Я обернулась на букет, стоявший посреди прихожей.

— Белые лилии! Он знает, что я люблю белые лилии! И здесь его цифры, Лив! 0812! Он оставил свой номер!

— Джосс, это может быть...

— Нет! Не говори мне, что это совпадение!

Я чувствовала, как меня начинает трясти.

— Он знает, где я живу. Он прислал их прямо сюда. Прямо ко мне домой. Он знает мой адрес, Лив!

— Хорошо. Я сейчас приеду.

— Пожалуйста Лив, мне страшно.

— Я еду. Закрой все двери и никому не открывай.

— Я уже закрыла!

— Хорошо. Я буду у тебя через десять минут.

— Пожалуйста, быстрее.

— Джосс, я еду.

Она отключилась, а я ещё несколько секунд держала телефон у уха.

В квартире стало невыносимо тихо. Я сидела, неотрывно смотря на закрытую дверь, и с замирающим сердцем прислушивалась к тому, что происходит в подъезде.

Мне вдруг показалось, что за ней кто-то стоит. Я задержала дыхание.

Ничего.

Только гул кондиционера и далёкий шум города.

Я отступила от двери.

— Господи...

Я обхватила себя руками. Мне хотелось плакать и кричать. Хотелось куда-нибудь сбежать, но я не знала куда.

Оливия приехала меньше, чем через десять минут.

Когда в дверь снова позвонили, я едва не закричала.

— Джосс, это я! — услышала я из-за двери.

Я подбежала к глазку. Это была Оливия.

Она едва успела войти, как я вцепилась в неё обеими руками.

— Он здесь.

— Тише. Тише, я с тобой.

— Он знает, где я живу, Лив. Он знает! Он прислал мне цветы. Мои цветы. Мои любимые. Он знает, где я живу, он знает, что я люблю, он...

Я говорила слишком быстро, слова путались, дыхание сбивалось.

— Джосс, посмотри на меня.

Я не слушала.

— А если он следил за мной? А если он сейчас где-то здесь? А если он...

— Джосс.

Оливия взяла меня за плечи и заставила посмотреть ей в глаза.

— Дыши.

Я судорожно вдохнула.

— Ещё раз.

Я вдохнула.

— Медленно.

Выдохнула.

— Вот так.

Она несколько секунд просто держала меня за плечи, пока дрожь немного не отступила.

— Ты сейчас в истерике, — тихо сказала она. — И я по-

нимаю почему. Но пока мы не знаем, что произошло, мы не будем придумывать самое страшное.

— Но он оставил **0812**.

— Да.

— Это его ник.

— Я знаю.

— И он знает, что я люблю белые лилии.

— Хорошо. Тогда сначала проверим букет.

Я посмотрела на неё.

— Что проверим?

— Букет.

Оливия сняла пальто, положила сумку на консоль и подошла к цветам.

— Ты к нему после доставки не прикасалась?

Я покачала головой.

— Только поставила на пол.

— Отлично.

Она присела рядом с букетом и осторожно взяла его за упаковку.

— Что ты делаешь?

— Проверяю.

— На что?

— На всё.

Она медленно повернула букет в руках, осмотрела упаковочную бумагу, ленту, карточку. Затем заглянула между стеблей.

— Лив...

— Молчи секунду.

Она внимательно осматривала каждый элемент, развязывая ленту. Я стояла рядом, скрестив руки на груди.

— Ты думаешь, там может быть камера?

— Может.

— Или микрофон?

— Может.

— Или...

— Джосс, если ты сейчас назовёшь мне ещё пять способов, как в букете может быть спрятано что-нибудь ужасное, я начну нервничать сама.

— Извини.

Оливия продолжила проверку. Она сняла упаковку, проверила карточку с обеих сторон. Провела пальцами по ленте. Потом начала разбирать сам букет. Одна лилия. Вторая. Третья. Она заглянула внутрь каждого цветка, проверила стебли, основание букета, упаковочную бумагу.

— Ничего.

— Точно?

Через несколько минут весь букет уже лежал разобранным на столе.

— Здесь нет ни камеры, ни диктофона, ни трекера.

Я смотрела на неё.

— Ты уверена? Она подняла карточку.

— И на ней тоже ничего.

— Может, оно внутри цветов?

Оливия медленно посмотрела на меня.

— Джосс.

— Что?

— Это просто букет.

Я замолчала.

Она снова собрала лилии вместе и аккуратно поставила их в вазу.

— Никаких проводов. Никаких устройств. Никаких меток. Ничего необычного.

Я смотрела на белые лепестки.

— Тогда как он узнал?

Оливия пожала плечами. — Интернет помнит всё.

Я нахмурилась.

— Я выкладывала много лет назад. Про лилии.

— Вот видишь, не всё так страшно. Ты себя накрутила.

Оливия поставила вазу подальше от меня.

— Вот поэтому сейчас мы не будем делать вывод, что он знает твой адрес или находится рядом с тобой.

— Но он отправил цветы сюда.

— Да.

— И написал 0812.

— Да.

— Тогда почему ты говоришь, что это ничего не значит?

— Я не говорю, что ничего не значит.

Она посмотрела на меня.

— Я говорю, что пока мы не знаем, что именно это значит.

Я опустила взгляд. Внутри всё ещё было страшно, но паника постепенно отступала. Оливия достала из сумки маленький флакон.

— А теперь тебе нужно успокоиться.

— Что это?

— То, что поможет тебе перестать трястись. Она накапала несколько капель в стакан воды и протянула мне.

— Выпей.

Я сделала несколько глотков. Оливия села рядом.

— Всё. Я здесь. Ты не одна.

Я закрыла глаза.

— Я правда испугалась.

— Я знаю.

— Мне казалось, что он сейчас войдёт.

— Не войдёт. — Она взяла меня за руку.

Когда я проснулась, Оливии уже не было в спальне. Несколько секунд я лежала неподвижно, глядя в потолок и пытаюсь понять, почему чувствую себя так, словно всю ночь не спала, а спасалась от пожара. Потом память вернулась, и я вспомнила всё: исчезнувший аккаунт, взлом, этот сталкер, белые лилии.

Я резко села в кровати.

— Лив?

— Я здесь.

Её голос донёсся из гостиной, и я наконец смогла нормально вдохнуть.

Оливия сидела на диване, поджав под себя ноги, с чашкой кофе в одной руке и телефоном в другой. Она подняла на меня глаза, когда я появилась в дверях.

— Доброе утро, — сказала она. — И, прежде чем ты начнёшь паниковать, у меня есть новости.

Я остановилась.

— Какие?

Она несколько секунд смотрела на меня, будто решая, как именно это сказать, затем протянула телефон.

— Наши хакеры вышли на связь.

Я почувствовала, как внутри всё мгновенно напряглось. На экране было открыто видео. Чёрный фон, группа мужчин в масках. В центре экрана появился логотип.

DIAMONDS.

Я села рядом с Оливией, и она нажала на воспроизведение.

Голос был изменён настолько, что невозможно было понять ни возраст, ни пол говорящего.

— *Группа Diamonds берёт на себя ответственность за получение доступа к цифровым ресурсам Джоселин Риверс.*

Я замерла.

На экране один за другим начали появляться мои аккаунты, страницы сайта, рекламные кампании, ссылки на интер-

вью. Всё то, что ещё вчера исчезало у меня на глазах.

— *Мы готовы вернуть полный доступ к ресурсам после выполнения наших требований.*

На экране появилась следующая надпись.

\$250 000.

Я несколько секунд смотрела на неё, не понимая.

Потом медленно повернулась к Оливии.

— Они хотят сколько?

Она молча кивнула.

— Двести пятьдесят тысяч долларов?

Слова прозвучали почти спокойно.

Но внутри меня уже начиналось что-то похожее на истерику.

Двести пятьдесят тысяч. Четверть миллиона долларов.

За то, что принадлежало мне.

— Они серьёзно?

Оливия поставила чашку на стол.

— К сожалению.

Я медленно поднялась с дивана и прошлась по гостиной, чувствуя, как злость постепенно вытесняет вчерашний страх.

— Они уничтожили мой аккаунт, удалили сайт, добрались до рекламных кампаний, а теперь хотят, чтобы я заплатила им четверть миллиона за возможность вернуть собственную жизнь?

— Судя по всему, именно такой у них план.

Я нервно рассмеялась.

— За двести пятьдесят тысяч я сама на улицу выйду стриптиз станцю. Оливия только улыбнулась.

Станным образом мне становилось легче. Хотя проблема и не исчезла, и у меня по-прежнему не было аккаунта и неизвестно, удастся ли восстановить удалённые материалы, мне становилось легче, потому что теперь у происходящего хотя бы появилось объяснение.

Хакеры.

Деньги.

Вымогательство.

Это было ужасно, но хотя бы понятно.

Я повернулась к Оливии.

— Значит, букет тоже мог быть их рук дело.

Она нахмурилась.

— Ты думаешь?

— Они получили доступ ко всему. К моим перепискам, архивам, старым сообщениям. Они могли найти его ник.

Я вспомнила карточку.

Я всегда помню, что ты любишь.

Вчера эта фраза казалась мне доказательством того, что человек, которого я годами считала просто странным подписчиком, действительно где-то рядом. Теперь она выглядела иначе. Как часть хорошо продуманной игры: они хотели напугать меня. Хотели, чтобы я поверила, будто за происходящим стоит не просто группа хакеров, а человек, который

наблюдает за мной годами.

Потому что испуганный человек заплатит гораздо быстрее.

— Они специально всё это устроили, — сказала я. — Хотели, чтобы я решила, что это криповый сталкер.

Оливия ничего не ответила.

— Давай почитаем комментарии.

Я снова села рядом с ней.

Под публикацией уже были десятки тысяч комментариев.

ДЖОСС, НЕ ПЛАТИ ИМ.

СОЗДАВАЙ НОВЫЙ АККАУНТ, МЫ ВСЕ ПОДПИШЕМСЯ.

ОНА ВЕРНЁТ МИЛЛИОН ЗА НЕДЕЛЮ.

НЕ ОТДАВАЙ ИМ НИ ЦЕНТА.

МЫ ТЕБЯ НАЙДЁМ ГДЕ УГОДНО.

Последнее сообщение почему-то заставило меня задержать взгляд чуть дольше остальных. Я отмахнулась от неприятного ощущения. После вчерашнего я, кажется, была готова искать скрытый смысл даже в меню доставки.

— Сколько там комментариев?

— Уже больше пятидесяти тысяч.

Я посмотрела на Оливию.

— Они все ждут, что я появлюсь.

Она улыбнулась.

Я почувствовала, как внутри впервые за последние сутки появляется что-то похожее на азарт.

Возможно, эти уболюдки действительно рассчитывали на то, что я испугаюсь. Что буду сидеть дома и ждать, пока они решат мою судьбу. Но они забыли одну важную вещь. Я уме- ла привлекать внимание.

И прямо сейчас внимание всего интернета было прикова- но ко мне.

— Мы создаём новый аккаунт, — сказала я.

Оливия подняла на меня взгляд.

— Ты уверена?

Я посмотрела на экран, где всё ещё стояла сумма выкупа.
\$250 000.

А потом снова перевела взгляд на комментарии.

На десятки тысяч людей, которые уже ждали, что я сделаю дальше.

— Абсолютно.

Я забрала у неё телефон.

— Если Diamonds думают, что я отдам им четверть мил- лиона долларов, они очень плохо изучили человека, которо- го решили ограбить.

Оливия медленно улыбнулась.

И впервые с того момента, как вчера утром я увидела надпись «**Пользователь не найден**», я почувствовала, что снова могу дышать.

Через шесть часов я сидела на полу в гостиной, окружён-

ная чашками из-под кофе, зарядками, двумя телефонами и Оливией, которая уже второй раз за последние десять минут обновляла страницу моего нового аккаунта.

— Девятьсот тысяч.

Я подняла на неё глаза.

— Девятьсот тысяч подписчиков за шесть часов.

Несколько секунд я просто смотрела на цифру.

903 417 подписчиков.

Число продолжало расти прямо у меня на глазах.

903 801.

904 126.

904 593.

Я медленно подняла голову.

Оливия уже улыбалась.

— Джосс.

— Что?

— Ты попадёшь в книгу рекордов Instagram.

Я почувствовала, как внутри расцветает эйфория. За последние сутки я успела пережить столько всего, что уже перестала понимать, какая именно эмоция должна была появиться следующей. Страх сменялся злостью, злость — паникой, паника — усталостью.

Но сейчас я чувствовала только облегчение.

— Девятьсот тысяч, — повторила я.

— И это ещё не вечер.

Я посмотрела на неё.

— Они правда вернулись. Я рассмеялась. — Утютю, пользователь не найден, - передразнила я, насмешливо качая головой. Оливия взорвалась от смеха над моим движением, и через несколько секунд мы уже сидели на полу и смеялись так, словно ничего страшного никогда не происходило.

Я взяла телефон и снова открыла новый аккаунт. Под первым видео были тысячи комментариев. Люди писали, что ждали меня, что знали, что я вернусь, что хакеры только сделали мне бесплатную рекламу.

— Мы идём праздновать. — уверенно заявила я.

Она даже не сразу ответила.

— Куда?

— В клуб.

— Джосс.

— Не начинай.

— Ты вчера думала, что тебя сейчас убьют.

— А сегодня я вернула почти миллион подписчиков.

— Это не совсем равноценные события.

— Для меня очень даже.

Оливия посмотрела на меня так, словно собиралась спорить.

Потом снова взглянула на количество подписчиков.

917 204.

— Ладно, — сказала она. — Но если ты начнёшь проверять статистику прямо на танцполе, я заберу у тебя телефон.

— Договорились.

Я тут же поднялась с пола.

— И, Лив?

— Что?

— Я хочу выглядеть на миллион.

Через два часа моя спальня выглядела так, словно по ней прошёл небольшой, но очень хорошо одетый ураган.

На кровати лежали платья. На полу — туфли.

Оливия сидела в кресле и с выражением крайнего страдания смотрела, как я в третий раз меняю серьги.

— Ты понимаешь, что мы собираемся просто выпить с друзьями?

— Нет. Мы празднуем моё возвращение.

— Ты возвращаешься уже третий раз за последние сорок минут.

— Потому что хочу выбрать правильный образ.

В конце концов я остановилась на коротком розовом платье, полностью покрытом блестками. Оно сидело так, будто было создано исключительно для того, чтобы ловить свет. Светло-жёлтые туфли на высоком каблуке выглядели настолько непрактично, что Оливия посмотрела на них и только покачала головой.

Волосы я собрала в небрежный высокий хвост, оставив несколько прядей у лица.

Что-то между тщательно продуманной небрежностью и Памелой Андерсон в девяностых.

Я посмотрела на себя в зеркало.

И впервые за последние сутки увидела не испуганную девушку, которая вздрагивает от каждого уведомления.

Я увидела себя.

— Ну?

Оливия появилась у меня за спиной.

— Выглядишь на миллион двести

Оливия подняла палец.

— Телефон остаётся дома.

Я посмотрела на неё.

— Ты серьёзно?

— Абсолютно.

— А если миллион будет через десять минут?

— Тогда он никуда не денется, пока ты пьёшь шампанское.

Я вздохнула.

— Хорошо.

Это было удивительно.

Всего несколько часов назад я боялась даже смотреть на телефон.

Теперь мне хотелось наконец оставить его в покое.

Клуб был переполнен.

Музыка гремела так громко, что первые несколько минут после того, как мы вошли внутрь, я почти физически ощущала, как она вытесняет из головы все мысли.

И, возможно, именно этого мне и не хватало. Ничего не анализировать, ничего не проверять ссылки, не думать о том,

кто мог получить доступ к моим сообщениям. Просто быть среди людей.

Наши друзья уже ждали за столиком. Кто-то сразу поднял бокал, кто-то обнял меня так крепко, что я чуть не пролила коктейль.

— За девятьсот тысяч! — крикнула Алекс.

— Уже почти миллион! — поправила я.

— За миллион!

Все засмеялись. Сначала я выпила один коктейль. Потом второй. После третьего мне стало окончательно спокойно и легко

Я подняла четвертый бокал.

— За то, что Diamonds только что устроили мне лучший пиар за всю карьеру.

— Вот это я понимаю настрой! — крикнула Оливия.

Я рассмеялась и сделала ещё один глоток. В этот момент рядом со столиком появился официант. Он держал в руках бокал.

Я сначала даже не поняла, что он подошёл именно ко мне.

— Мисс Риверс?

Я обернулась.

— Да?

Он поставил передо мной напиток. Я нахмурилась.

— Я этого не заказывала.

— Это комплимент от джентльмена за барным стойкой.

Он положил рядом с бокалом маленькую сложенную за-

писку. Моё сердце вдруг пропустило удар. Я резко обернулась посмотреть, кто отправил бокал. За барной стойкой было пусто.

Я резко развернула записку.

Diamonds лгут.

Улыбка медленно исчезла с моего лица.

Новый аккаунт не спасёт тебя от меня

Музыка продолжала играть, кто-то рядом смеялся, за соседним столиком девушка снимала видео. Всё вокруг продолжало двигаться, а я смотрела на несколько слов.

— Джосс?

Оливия заметила, как я изменилась.

Я медленно подняла на неё глаза.

— Он здесь.

— Джосс?

Я уже почти не слышала её. Мне вдруг показалось, что воздуха в помещении стало слишком мало. Что все люди вокруг смотрят на меня. Что где-то среди этих сотен незнакомцев находится человек, который только что наблюдал за тем, как я смеюсь. Как я пью, думая, что всё закончилось. Я начала пробираться через толпу.

— Джосс, стой!

Я не остановилась. Мне нужно было выйти на улицу, к воздуху. Я уже почти добралась до выхода, когда Оливия схватила меня за руку.

— Что происходит?

Я выдернула записку из сжатой ладони и протянула ей.
Её лицо изменилось.

— Господи. — она прошептала.

— Он здесь. Он знает, где я!

— Джосс...

— Он следит за мной!

Я уже не могла говорить нормально. Воздух поступал короткими, болезненными вдохами. Перед глазами всё начало расплываться. Оливия быстро взяла меня за плечи.

— Смотри на меня.

Я покачала головой.

— Джосс. Смотри на меня.

Я попыталась.

— Мы сейчас уедем.

— Он может быть здесь.

— Мы уезжаем.

— Ты не понимаешь...

Она крепче сжала мои руки.

— Сейчас мы сядем в машину. Ты поедешь домой. Мы закроем дверь. И потом решим, что делать.

Я посмотрела на неё.

— Я не хочу домой. Он знает где мой дом.

Оливия замерла.

Наверное, это был первый раз в жизни, когда я произнесла эти слова всерьёз.

Я не хотела возвращаться в собственную квартиру.

Дома я не могла успокоиться.

Я ходила из комнаты в комнату, пока Оливия звонила мне-неджеру.

Алекс ответила почти сразу.

— Что случилось?

Оливия посмотрела на меня. Я всё ещё держала записку.

— Мы получили сообщение.

— От Diamonds?

Я почувствовала, как внутри всё сжалось. Оливия медленно покачала головой.

— Нет.

Она пересказала содержание записки.

На другом конце повисла тишина.

— Алекс?

— Я здесь.

Её голос стал серьёзным.

— Джосс, послушай меня. Мы разберёмся.

Я нервно рассмеялась.

— Отличный план.

Оливия вдруг посмотрела на свой телефон.

Её лицо изменилось.

Я сразу это заметила.

— Что?

Она не ответила.

— Оливия.

— Подожди.

— Что?

Она быстро открыла что-то на экране. Потом снова и медленно подняла на меня глаза.

— Джосс...

Мне стало холодно.

— Что случилось?

— Твой новый аккаунт.

Я замерла.

— Что с ним?

Оливия молчала. Я подошла к ней, взяла телефон.

Пользователь не найден.

Разговор с Алекс продолжался почти час. Она говорила о безопасности, о полиции, о том, что нам нужно снова связаться со специалистами по кибербезопасности.

Я почти ничего не слышала.

В какой-то момент Оливия забрала у меня бокал воды и поставила его на стол, потому что я уже минут десять держала его, даже не делая глотка.

— Джосс.

Я подняла на неё взгляд.

— Может, тебе стоит уехать.

Я нахмурилась.

— Куда?

— Не знаю. Куда-нибудь, где ты сможешь прийти в себя.

— Ты предлагаешь мне сбежать?

— Я предлагаю тебе отдохнуть.

Я рассмеялась, кажется, алкоголь еще не до конца выветрился.

— После сегодняшнего?

— Именно после сегодняшнего.

Алекс молчала несколько секунд.

Потом осторожно сказала:

— Вообще, это не самая плохая идея.

Я закрыла глаза.

— Вы серьезно?

— Джосс, за последние сутки тебя взломали дважды. Ты почти не спала. Сегодня у тебя случилась паническая атака. Возможно, тебе действительно нужно хотя бы ненадолго сменить обстановку.

— Куда? В бункер?

Оливия задумалась.

— Вообще-то...

Я открыла глаза.

— Нет.

— Я ещё ничего не сказала.

— Ты сейчас предложишь мне какой-нибудь оздоровительный центр.

Она посмотрела на Алекс. Я медленно опустилась на диван.

— Вы серьезно.

— Санаторий, — осторожно произнесла Оливия. — Где-нибудь за городом. Без журналистов. Без вечеринок. Без интернета, если захочешь.

Я посмотрела на неё так, словно она предложила мне добровольно лечь в психиатрическую клинику.

— Мне не шестьдесят лет, чтобы лечь в санаторий.

— Именно поэтому это будет не санаторий для пенсионеров.

— Это звучит ещё хуже. Я посмотрела на Оливию.

— И ты поедешь со мной?

Она смягчилась.

— Если захочешь.

Я снова перевела взгляд на экран телефона.

Пользователь не найден.

Меня взломали два раза за два дня.

Я медленно закрыла глаза.

— Хорошо.

— Хорошо?

Я кивнула.

— Давайте найдём мне это чёртово место, где нет интернета, хакеров и людей, которые присылают напитки от незнакомцев.

Оливия осторожно улыбнулась.

— Думаю, последнее особенно важно.

Я не улыбнулась в ответ.

Потому что в этот момент снова посмотрела на записку.

Diamonds лгут.

А потом на последнюю строчку.

Новый аккаунт не спасёт тебя от меня.

И впервые мне пришло в голову, что, возможно, уехать — действительно хорошая идея.

Глава 3

На следующее утро я проснулась с твёрдым намерением никуда не ехать.

Ни в санаторий, ни в оздоровительный центр, ни в какое другое место, где мне предложат подышать свежим воздухом, попить травяной чай и «перезагрузиться».

Я лежала в кровати и смотрела на потолок. Из кухни доносился звук работающей кофемашины, а где-то рядом тихо мурлыкала Бони, которая, в отличие от меня, переживала все последние события с завидным спокойствием.

Её не интересовали ни хакеры, ни сталкеры, ни исчезнувшие аккаунты. Главное, чтобы миска всегда была полна коричневых сухариков.

Вчерашняя записка снова всплыла в памяти.

Diamonds лгут.

Новый аккаунт не спасёт тебя от меня.

От меня. Не *от нас*.

Не от Diamonds.

Я всё ещё не знала, действительно ли это был ***Followeri*** или кто-то намеренно использовал его образ, чтобы окончательно вывести меня из равновесия, но теперь мне было всё труднее верить в собственную версию о том, что букет и записка были частью вымогательства. Слишком многое не сходилось: если Diamonds хотели денег, зачем им понадобилось

пугать меня в клубе? Зачем было писать, что они лгут?

Я натянула одеяло выше.

— Доброе утро.

Я вздрогнула. Оливия стояла в дверях с двумя чашками кофе.

— Ты можешь хотя бы предупреждать, прежде чем появляться?

— В твоей спальне?

— Особенно в моей спальне.

Она протянула мне чашку и села на край кровати.

— Алекс уже звонила, — наконец сказала она.

Я сразу напряглась.

— Что-то произошло?

— Нет. Просто спрашивала, решила ли ты насчёт поездки.

Я сделала глоток кофе.

— Решила.

Оливия внимательно посмотрела на меня.

— И?

— Нет.

— Джосс, ты даже не знаешь, куда именно тебя хотят отправить.

— И не хочу знать.

Она вздохнула.

— Это не обязательно должен быть санаторий.

— А что тогда?

— Какой-нибудь закрытый ретрит.

Я медленно опустила чашку.

— Это буквально то же самое, только для людей, которые не хотят признавать, что едут в рехаб.

— Хорошо. Тогда загородный отель. Я поеду с тобой.

Я покачала головой.

— Не хочу.

Оливия посмотрела на меня уже серьёзнее.

— Тогда чего ты хочешь?

Я не ответила, потому что сама не знала. Вернуть аккаунт. Понять, кто это сделал.

Проснуться утром и узнать, что последние два дня мне просто приснились.

Телефон вдруг зазвонил. Я вздрогнула так сильно, что чуть не пролила кофе.

— Спокойно. Ты чуть не облила себя кипятком.

Незнакомый номер.

Сердце тут же ускорилося.

Я уже собиралась сбросить вызов, когда заметила знакомый код города.

— Кто это? — Оливия пожала плечами. Я несколько секунд смотрела на экран, потом всё-таки нажала на кнопку ответа.

— Алло?

— Джосс? Я замерла.

Голос показался знакомым и мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять кто это был.

— Боже мой. На другом конце тихо рассмеялись. — Я уже начала думать, что ты бросишь трубку.

Я медленно села ровнее. — Мэгги?

— Нет, это твоя потерянная сестра близнец, с которой тебя разлучили в детстве.

Я несколько секунд молчала. Перед глазами тут же возникло лицо, которое я не видела много лет. Мэгги Хилл, моя школьная подруга. Мы сидели за одной партой почти два года, вместе прогуливали физкультуру, ненавидели нашего преподавателя по химии и однажды чуть не получили отстранение за то, что устроили драку в туалете.

После выпуска наши жизни постепенно разошлись. Я переехала, а она осталась в нашем городе. Сначала мы ещё созванивались, потом переписывались раз в несколько месяцев, затем начали поздравлять друг друга только с днями рождения.

И вот теперь она звонила мне в восемь утра. Необычно.

— Ты как? — спросила Мэгги. — Мы видели... всё.

Я закрыла глаза. Конечно. Сейчас, наверное, не осталось человека, который *не видел*.

— Видео хакеров, новый аккаунт, потом новости о том, что его снова взломали, — продолжила она. — Джосс, мне очень жаль.

— Да, спасибо.

— Джосс, у меня есть... новости.

Я выпрямилась.

— Что случилось? Мэгги тяжело вздохнула.

И я сразу поняла, что ничего хорошего она сказать не собирается.

— Ты помнишь мистера Беннетта?

— Конечно.

Мистер Беннетт, наш преподаватель по актёрскому мастерству. Он появился в моей жизни, когда мне было пятнадцать, и тогда я была уверена, что стану знаменитой актрисой. Потом оказалось, что я совершенно не умею играть драматические сцены, но зато прекрасно умею говорить на камеру бесконечно долго. Именно он подсказал мне, в какую карьерную сторону мне посмотреть.

— Конечно, я его помню, — сказала я уже тише. — А что?

Мэгги снова замолчала.

— Он умер вчера ночью.

— Мне очень жаль.

— У него был сердечный приступ. Его увезли в больницу, но...

Перед глазами всплыл мистер Беннетт, сидящий за своим столом с чашкой кофе и терпеливо объясняющий мне, почему нельзя каждый раз, когда я нервничаю, улыбаться.

«Ты всё время пытаешься понравиться людям, Джоселин».

«А разве это плохо?»

«Плохо, когда из-за этого ты перестаёшь быть собой».

Я медленно открыла глаза.

— Когда похороны?

— В субботу.

Я посмотрела на календарь. Сегодня был вторник.

Оливия, которая до этого молчала, осторожно накрыла мою руку своей.

— Ты приедешь? — спросила Мэгги.

После поступления в Нью Йорк я больше ни разу не возвращалась в родной город, а наш дом стоял почти пустой уже больше десяти лет. Я всё время собиралась приехать, разобрать вещи, решить, что с ним делать, но каждый раз находилась причина чтобы это отложить.

Я вдруг представила свою старую подростковую спальню, шкаф, в котором наверняка до сих пор лежат какие-то вещи, оставшиеся со школы. Окно, из которого я в детстве смотрела на улицу. Наших старых соседей. Всё то, от чего я когда-то так отчаянно хотела сбежать. Сердце охватила такая тоска, что поездка туда показалась мне почти спасением.

Нью-Йорк вдруг резко перестал ощущаться родным. Тут стало слишком шумно, слишкомлюдно, слишком небезопасно. А там я снова буду просто Джоселин. Не блогером с миллионами подписчиков, не девушкой, чьё исчезновение вчера обсуждал весь интернет. Просто девочкой, которая когда-то выросла в этом городе. И самое главное: никакой сталкер не последует за мной в эту богом забытую дыру.

Я посмотрела на Оливию.

— Я приеду, — сказала я. — Я приеду на похороны.

Мэгги выдохнула.

— Хорошо.

И в её голосе было столько облегчения, что мне вдруг стало стыдно за то, как долго я не приезжала домой.

— Я могу встретить тебя в аэропорту, — продолжила она.
— Или прислать машину.

— Спасибо, Мегги.

Я уже собиралась положить трубку, когда Мэгги снова позвала меня.

— Джосс?

— Да?

— Он бы очень обрадовался, что ты приедешь. Он любил... тебя.

Я закрыла глаза.

— Знаю.

Когда разговор закончился, Оливия смотрела на меня так, словно пыталась понять, как именно запретить мне сделать то, что я уже решила.

— Ты серьёзно собралась ехать?

— Да.

— После всего, что произошло?

Я подняла на неё взгляд.

— Именно после всего, что произошло.

Она медленно выдохнула.

— Ты понимаешь, что это не решит проблему?

— Я знаю.

— И если за всем этим действительно стоит тот человек...

— Он не поедет за мной туда.

Она ничего не сказала.

— Это мой родной город, Лив. Там живёт меньше людей, чем в одном квартале Манхэттена. Там все знают всех. Если какой-то незнакомец начнёт ходить за мной, его заметят раньше, чем он успеет сделать шаг.

Моя спальня выглядела так, будто в неё забросили гранату.

Открытый чемодан лежал посреди кровати. Вокруг него были разбросаны джинсы, футболки, свитера, косметички, зарядные устройства и несколько вещей, которые я совершенно точно не собиралась брать, но почему-то продолжала держать в руках.

Бони, совершенно не впечатлённая происходящим, выбрала для себя самое удобное место во всём этом хаосе: утёрлась прямо на мой любимый кашемировый свитер.

Я потянула его за рукав. Бони даже не пошевелилась.

— Бони.

Она медленно подняла на меня глаза.

— Это мой свитер.

Кошка моргнула. Я снова потянула его на себя.

Она демонстративно сложила голову на лапах и закрыла глаза.

— Ты серьёзно?

В ответ — тишина.

— Я собираюсь его взять с собой.

Она не пошевелила даже ухом, и в конечном итоге я сда-
лась, отпустила свитер и выпрямилась.

Оливия, наблюдавшая за происходящим с кровати, рас-
смеялась.

— Она точно не хочет, чтобы ты уезжала.

— Она просто хочет уничтожить мой гардероб.

— Возможно, она считает, что этот свитер ей идёт больше.

— Судя по всему, она считает, что ей идёт вообще всё.

Бони довольно потянулась, но со свитера так и не слезла.

Я покачала головой и снова повернулась к шкафу.

— Ладно. Собираемся без него.

— Ты точно собираешься всё это брать? — спросила Оли-
вия.

— Нет.

— Тогда зачем ты достала половину шкафа?

— Потому что я не знаю, что надену.

— Ты едешь на похороны, а не на Met Gala

Я бросила на неё взгляд.

— Я знаю.

— Тогда зачем тебе четыре платья?

— Потому что я не знаю, какое будет настроение.

Оливия рассмеялась, а я снова полезла в шкаф.

После нескольких дней, которые превратились в какой-то

бесконечный кошмар, мысль о возвращении домой всё ещё казалась мне странной. Но чем ближе становился отъезд, тем сильнее я чувствовала облегчение. Я уезжала из Нью-Йорка.

Немыслимо

Я достала чёрное платье и положила его на кровать. Оливия тут же посмотрела на него.

— Вау, у нас что, есть счастливчик?

— Это похоронное платье.

— Конечно.

Я закатила глаза.

— Я просто хочу выглядеть хорошо.

— Ты всегда хочешь выглядеть хорошо, когда тебе есть перед кем выглядеть.

— Я не собираюсь никого впечатлять.

— Даже Китти Мосс? — я замерла.

— Особенно Китти Мосс.

Оливия расплылась в улыбке.

— А вот теперь интересно.

— Мне просто нужно выглядеть нормально.

— Ах ты шлюшка.

— Оливия! — я не могла сдержать смеха.

— Шон всё ещё там?

— Не знаю.

— Ты хочешь его увидеть?

— Нет.

— Уверена?

— Да.

— Совсем?

Я посмотрела на неё.

— Оливия, мне было семнадцать.

— Именно. Первая любовь.

— Он меня бросил.

— Нет. Он просто один раз трахнул Китти.

— Это ещё хуже.

— Поэтому тебе особенно важно выглядеть хорошо. — я тяжело вздохнула.

— Я не собираюсь с ним спать.

— Я ничего такого не сказала. — она развела руками.

— Но раз уж ты заговорила...

— Я тебя ненавижу. — Оливия рассмеялась и потянулась к моему ящику.

— Так. Нижнее бельё.

— Обычное.

— Нет. — она достала кружевной комплект.

— Этот.

— Нет.

— Почему? Шон не любит черное? — она смешно поиграла бровями.

— Потому что там некого соблазнять.

— Ты не знаешь, кого встретишь.

— Оливия, я еду на похороны!

— После похорон жизнь продолжается. — она бросила

комплект в чемодан. Я тут же вытащила его обратно.

— Нет.

— Да.

— Нет.

— Джосс, вдруг Шон окажется там один, посмотрит на тебя и поймёт, какую ошибку совершил десять лет назад?

— Он посмотрит на меня в чёрном платье, а не на мои трусы.

— Ты недооцениваешь силу первой любви.

Я не выдержала и рассмеялась.

— Ладно, — сказала я наконец. — Один комплект.

Оливия победно улыбнулась.

— Два.

— Один.

— Два.

— Один.

— Хорошо.

Она положила второй рядом с первым.

— Ты всё равно не будешь проверять.

Я покачала головой и снова отвернулась к шкафу.

Глава 4

Я увидела её раньше, чем она меня.

Мэгги стояла возле выхода из аэропорта, держа в руках стакан с кофе и нервно оглядывая толпу.

Она изменилась. Её волосы стали короче, лицо — взрослее, а вместо огромной школьной сумки на плече теперь висела дорогая кожаная. Когда она наконец заметила меня и улыбнулась, я вдруг снова увидела ту самую Мэгги. Ту, с которой мы когда-то прятались в туалете во время контрольной.

— Господи.

Она закрыла рот ладонью. Я рассмеялась.

— Ты настоящая.

— К сожалению.

Мы обнялись так крепко, что я чуть не уронила сумку.

— Ты стала ещё выше, — сказала Мэгги.

— Нет.

— Ты была ниже.

— У меня каблуки.

Мэгги посмотрела вниз.

— Вот оно что.

— Я всё ещё высокая.

— Конечно.

Она взяла мой чемодан.

— Давай, знаменитость. Я припарковалась так далеко, что успела возненавидеть себя за это решение.

Мы пошли к выходу. Несколько человек обернулись в мою сторону.

— Я уже и забыла, каково это, когда все друг друга знают.

— Именно поэтому через час весь город будет знать, что ты приехала.

Я остановилась.

— Что?

Она улыбнулась.

— Шучу.

Я посмотрела на неё.

— Мэгги.

— Ну... возможно, кто-то уже знает. Ну там, Шон, например.

— Мегги...

— Расслабься, я пошутила. Она рассмеялась.

И впервые за последние несколько дней я почувствовала, что могу рассмеяться вместе с кем-то, не проверяя через секунду телефон.

Мой дом стоял на том же месте. Это, конечно, было довольно очевидно, дома редко имеют привычку переезжать. Но почему-то я ожидала увидеть что-то другое.

Наверное, потому что за последние десять лет изменилась я сама.

Я медленно вышла из машины. Мэгги поставила чемодан рядом со мной.

— Всё нормально?

Я кивнула.

— Да. — я достала ключи.

Внутри пахло пылью и старым деревом. На стенах всё ещё висели фотографии. В гостиной стоял тот же диван. Даже старые часы на кухне всё ещё были на месте. Они не работали, но были здесь. Как и всё остальное. Будто дом десять лет просто ждал, когда я вернусь.

— Ты уверена, что хочешь остаться здесь одна? — спросила Мэгги.

Я обернулась.

— Конечно.

— Я могу остаться.

— Я справлюсь.

— Ладно. Но если передумаешь, звони.

Я кивнула.

— Позвоню.

Она уже дошла до двери. — Завтра увидимся.

Я кивнула.

Дверь закрылась и я осталась одна.

Я медленно поставила сумку на пол и поднялась по лестнице. Остановилась возле двери своей старой спальни и несколько секунд просто смотрела на неё, не решаясь войти.

Абсолютно ничего не изменилось. На столе лежала фото-

графия в рамке. Я подошла ближе и замерла. На фотографии были я и Шон, когда нам было по семнадцать.

Я сидела у него на коленях и показывала язык в камеру, а он смотрел на меня.

Я резко поставила фотографию лицом вниз.

— Нет. Сказала я самой себе. — Даже не думай.

Возле входа в церковь уже было много людей. Кто-то разговаривал, сбившись в небольшие группы, кто-то смеялся так, будто за прошедшие годы между нами ничего не изменилось. Девушки обнимались, мужчины пожимали друг другу руки, кто-то придерживал дверь, пропуская остальных внутрь.

Я успела сделать всего несколько шагов.

— Джосс?

Я обернулась.

— Боже мой!

Меня тут же заключили в объятия.

— Это правда ты?

— Ты вообще не изменилась!

— Еще как изменилась. Ты посмотри на неё!

— Ты куда пропадала, Джо?

За одной старой подругой подошла другая, потом ещё кто-то. Меня обнимали, трогали за руки, рассматривали так, словно пытались сопоставить девушку, которую видели сей-

час, с той Джосс, которая когда-то сидела с ними в одном классе. Все говорили одновременно, перебивали друг друга, вспоминали какие-то школьные истории, спрашивали, где я живу, надолго ли приехала, правда ли я теперь живу в Нью-Йорке.

Я смеялась и отвечала. Иногда даже слишком громко — просто потому, что не знала, как ещё реагировать на это внезапное ощущение, будто меня на несколько минут перенесли назад во времени.

И мне правда было приятно.

Здесь никто не смотрел на меня как на Джосс из интернета. Никто не просил фотографию, никто не пытался незаметно снять меня на телефон. По крайней мере, я не замечала. Для них я была просто Джосс. Девочкой, которая когда-то училась с ними в одной школе, прогуливала уроки, влюблялась не в тех парней и понятия не имела, что однажды её жизнь станет настолько непохожей на всё, о чём она тогда мечтала.

Мы уже начали двигаться ко входу, постепенно втягиваясь внутрь вместе с остальными, когда я вдруг почувствовала на себе чей-то взгляд.

Я замедлилась.

Сначала мне не хотелось оборачиваться. Вокруг было слишком много людей, и я почти убедила себя, что просто накручиваю себя. В свете последних событий мне вообще постоянно казалось, что кто-то смотрит, что кто-то знает обо

мне больше, чем должен.

Но потом кто-то из ребят, стоявших чуть дальше, махнул рукой.

— Шон! Эй, Шон, давай сюда!

Я всё-таки обернулась и сразу увидела его. Наши взгляды встретились всего на секунду. Этой секунды хватило, чтобы всё вокруг отступило на второй план. Голоса друзей превратились в неразборчивый шум, кто-то продолжал говорить рядом со мной, кто-то смеялся, хлопнула дверь церкви, но я почти ничего не слышала.

Внутри всё вдруг болезненно сфокусировалось на нём — так резко, что я даже не сразу заметила, что рядом с ним кто-то стоит. Мой взгляд скользнул в сторону. Высокий мужчина рядом с Шоном тоже смотрел на меня. Я нахмурилась, пытаюсь понять, почему его лицо кажется таким знакомым. Итан. Младший брат Шона. Только это уже совсем не тот Итан, которого я помнила.

Я невольно улыбнулась.

Надо же, какой красавчик вырос.

Он, кажется, заметил мою реакцию. Я почти улыбнулась шире, но уже в следующую секунду снова перевела взгляд на Шона и тут же отвернулась.

— Джосс, идём! — позвали меня.

Я повернулась к друзьям и пошла вместе с ними к церкви, но даже когда за моей спиной закрылась дверь, я продолжала чувствовать, что он на меня смотрит.

Боже, всё как в школе.

В баре было шумно настолько, что временами приходилось наклоняться друг к другу через стол, чтобы разобрать слова. Музыка была по ушам, кто-то постоянно проходил между столиками, официант едва успевал менять пустые бутылки и бокалы. Ребята говорили одновременно, перебивали друг друга, спорили о том, кто с кем встречался в школе и кто первым напился на выпускном.

Я смеялась вместе со всеми, вставляла какие-то комментарии. Даже рассказала пару историй, которые тут же обросли чужими дополнениями и стали совершенно не похожи на то, как всё было на самом деле. Со стороны могло показаться, что я полностью растворилась в этом вечере, но всё внутри меня было сосредоточено на Шоне.

Я специально не смотрела на него. Не хотела давать ему понять, что вообще замечаю его присутствие. И всё же за чем-то каждый раз искала его в толпе. Я могла смеяться над очередной шуткой, слушать историю девушки напротив, кивать кому-то, но стоило Шону задержать на мне взгляд, как внутри всё мгновенно собиралось в одну точку. В него.

Я ненавидела себя за это, но почему-то продолжала ждать следующего раза.

— Джосс, ты вообще слушаешь? — спросил Эрик.

Я моргнула.

— Конечно.

— Тогда что я сказал? — за столом раздался смех.

— Что-то очень важное, — уверенно ответила я.

— Вот видишь!

— Я просто не хочу портить тебе момент и пересказывать твою историю лучше, чем ты сам. — все снова засмеялись, и я облегчённо улыбнулась вместе с ними, потом машинально потянулась за бокалом и в этот момент всё-таки опять, *будь я проклята*, посмотрела на Шона.

Господи.

Почему от одного короткого взгляда у меня внутри всё переворачивалось, будто мне снова семнадцать? Я сделала спасительный глоток.

В какой-то момент разговоры вокруг стали громче, музыка — лучше, а мысли — значительно менее организованными. Я уже чувствовала приятную лёгкость в теле. Ту опасную стадию, когда тебе кажется, что ты абсолютно контролируешь себя, хотя на самом деле начинаешь делать вещи, о которых завтра будешь думать: *Господи, ну где же были мои мозги?*

— Мне нужен воздух, — сказала я, поднимаясь. Взяла сумку и направилась к выходу.

На улице оказалось прохладнее. После духоты бара воздух ударил в лицо так приятно, что я закрыла глаза и глубоко вдохнула. Я прислонилась к стене рядом со входом и достала

телефон. Ни одного уведомления.

Я уже собиралась убрать его обратно в сумку, когда услышала, как открылась дверь бара. Он остановился совсем близко. Я подняла на него глаза, собираясь спросить, что ему нужно, но Шон молча поднял руку, обхватил ладонью мою шею сзади, притянул к себе и поцеловал. Напористо, без колебаний, словно весь вечер только и ждал момента, когда мы останемся одни. Я выдохнула ему в губы и тут же ответила, ухватившись за его плечи.

Вот за это он мне всегда и нравился.

Шон никогда не тратил время на осторожные вопросы и намёки. Он смотрел на меня так, будто уже знал ответ, а потом просто действовал. Его пальцы крепче сжались на моём затылке, другая рука легла на талию и притянула меня вплотную. Поцелуй становился всё настойчивее, и я чувствовала, как остатки здравого смысла растворяются с каждой секундой.

- Как же я хочу тебя, - он резко прорычал мне на ухо. - Ты такая сексуальная. — прижал меня к стене, и я сильнее вцепилась пальцами в его рубашку. Ещё немного и мы снова перейдем черту.

Дверь за нашими спинами резко распахнулась и на улицу вышли пару ребят.

— Мы, кажется, помешали, — с ухмылкой произнёс один из них.

Шон застыл и резко отстранился от меня. Так быстро, что

я чуть не потеряла равновесие.

Только что он прижимал меня к стене, а теперь стоял в нескольких шагах, отвернувшись в сторону.

— Чёрт, — тихо бросил он. Один из парней усмехнулся:

— Шон, всё в порядке?

— Да.

— А Джосс?

Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Со мной всё прекрасно, — сказала я.

Шон наконец бросил на меня короткий взгляд, но в нём не было ничего похожего на то, что происходило, между нами минуту назад.

Серьёзно?

Я поправила волосы.

— Я пойду внутрь.

Никто меня не остановил, и я вернулась за сто. Я старалась продолжить разговор так, словно ничего не произошло, но мысли крутились только вокруг того, что только что произошло на улице.

Через пару минут Шон тоже вернулся, но теперь он словно намеренно избегал даже смотреть в мою сторону.

Паришивый ублюдок.

Я взяла бокал и сделала большой глоток.

— Ты чего такая серьёзная? — спросила Мелани.

— Просто думаю.

— Это опасно.

— Очень. — она рассмеялась.

У Шона вдруг резко зазвонил телефон. Он с раздражением посмотрел на экран и сбросил вызов. Через несколько секунд телефон зазвонил снова.

— О-о-о, — протянул один из парней, который учился в параллельном классе. — Кажись у Шона горшок уже свистит, — За столом раздались смешки.

Я нахмурилась.

— Что?

— Ничего, — сказал Шон слишком быстро.

Телефон снова зазвонил.

— Брат, ты домой вообще собираешься? — спросил парень напротив. — Валентина тебя завтра убьёт.

Я медленно повернула голову.

— Валентина? Кто такая Валентина?

За столом вдруг стало немного тише.

— Его жена, — ответила девушка, сидящая рядом с Шоном. Кажется, ее звали Мартой.

Я застыла. Мне показалось, что я просто не расслышала.

— Его... кто?

Шон опустил голову.

— Жена, — повторила девушка осторожнее.

Внутри что-то медленно провалилось, и я перевела взгляд на Шона, потом на его телефон. Он снова зазвонил.

— Она же дома с детьми, — продолжил кто-то, совершенно не замечая, что атмосфера за столом изменилась. — И

беременная. Ей вообще нервничать нельзя.

Беременная.

Я моргнула.

— Третьим, да, Шон? А то мы уже сбились со счёту — засмеялся один из тех парней, что нас застали.

Внутри меня начала подниматься ярость.

Этот похотливый сукин сын вообще не изменился!

Только несколько минут назад он прижимал меня к стене, целовал, а у него, оказывается, была жена. И двое детей. И третий ребёнок был уже на подходе.

Я громко поставила бокал на стол.

Теперь его поведение на улице вдруг стало до смешного понятным. Почему он отшатнулся от меня, как только вышли другие, почему перестал смотреть, почему сейчас выглядел так, словно предпочёл бы оказаться где угодно, только не здесь.

Меня накрыла такая волна злости и отвращения, что я почувствовала, как трезвею прямо на глазах. Самое ужасное заключалось в том, что если бы никто не вышел на улицу, я бы не остановила его. Я бы даже не спросила, свободен ли он.

Я поднялась из-за стола.

— Я поеду домой.

Он встал следом.

— Джосс...

— Поздравляю с третьим ребёнком.

Всю дорогу домой я прокручивала в голове один и тот же момент.

Его рука на моей шее, как он притянул меня к себе, его голос у самого уха.

Как же я хочу тебя.

Я стиснула руль сильнее.

— Господи, какая же я идиотка.

Слова растворились в пустом салоне. Меня злил не Шон. Ну, хорошо, Шон меня тоже злил. Но к нему я испытывала почти холодную, ясную ярость. Ту, которая не требует немедленно что-то разбить или закричать, она просто оседает внутри и заставляет видеть человека именно таким, какой он есть.

Шон оказался женатым. С двумя детьми. С беременной женой, которая, судя по бесконечным звонкам, сидела дома и ждала его возвращения.

И всё это время он смотрел на меня через стол, вышел следом, целовал.

Изменяющий кусок дерьма.

Но сильнее всего меня бесила я сама. Ну на что я рассчитывала, я же знала, какой он, и всё равно позволила ему сделать это снова.

Распалить. Публично унижить.

Я резко свернула на свою улицу.

Нет уж, хватит. Я больше не семнадцатилетняя девочка, которой можно помыкать, как ему хочется. И уж точно не собиралась становиться женщиной, с которой женатый мужчина решил вспомнить молодость.

При этой мысли меня снова передёрнуло.

Особенно прекрасно, Джосс, что ты даже не спросила, свободен ли он.

Я вылезла из машины, захлопнула дверь чуть сильнее, чем требовалось, и направилась к дому.

Бросила сумку на кухонный стол, скинула туфли и, не включая свет, прошла в гостиную. Я швырнула телефон на диван и провела ладонями по лицу.

Мне хотелось принять душ и стереть с себя запах бара, алкоголь, холодный ночной воздух. И особенно — Шона. Будто вода могла смыть память о том, как легко я снова позволила ему добраться до меня.

Телефон завибрировал и на экране высветилось уведомление.

Неизвестный номер.

Наверное, в другое время у меня внутри всё бы сжалось. После последних событий любой незнакомый контакт автоматически заставлял насторожиться, но сейчас я была слишком зла.

Я посмотрела на экран и почувствовала, как раздражение только усиливается.

Ну конечно.

Как будто одного мужчины, решившего, что он имеет право вторгаться в моё личное пространство мне на сегодня было недостаточно.

Мой, так называемый, сталкер.

Человек, который угробил мою карьеру, теперь, похоже, решил напомнить о себе.

Я схватила телефон с дивана и открыла сообщение. Ни текста, ни имени, только видео.

Я нахмурилась. Палец завис над экраном.

Несколько секунд экран был почти полностью тёмным. Камера стояла неподвижно, а комната за спиной мужчины тонула в полумраке. Свет падал только на него. Он сидел в кресле, в чёрной облегающей футболке и маске как из фильмов ужасов.

Это что, один из Diamonds?

У меня мгновенно перехватило дыхание, и я невольно придвинула телефон ближе.

Он был крупным. Не худым в той мальчишеской модельной манере, которую я привыкла видеть в Нью-Йорке. Его тело выглядело крепким, тяжёлым, настоящим. Широкие плечи заполняли кадр, массивные руки были напряжены, а предплечья — настолько рельефными, что я поймала себя на совершенно неуместной мысли.

Я застыла.

Какого чёрта?

Он смотрел прямо в камеру. Из-за маски невозможно бы-

ло понять, какое у него выражение лица, но его посыл был предельно ясен.

Что, теперь я буду смотреть на тебя?

От его фигуры веяло такой уверенностью, что на секунду я даже забыла, что это, вообще то, мой враг. Он медленно опустил руку, и я увидела то, зачем он на самом деле прислал мне это видео. Своей крепкой массивной рукой он обхватил свой орган, и начал медленно двигать вверх вниз. Я чувствовала, как его взгляд был прикован к моему лицу, и поймала себя на мысли, что я сама не в силах закрыть видео. Я почувствовала приятный жар внизу живота.

Сердце ударилось о рёбра.

Я не знаю, сколько прошло времени, прежде чем он поднял руку, и грубым жестом показал указательным пальцем в камеру. На меня. Через несколько секунд он с глухим рыком кончил. Белая жидкость небрежно стекала по его массивной руке, пока он медленно продолжал двигать ею вверх вниз.

Я закашляла, от этой картины у меня возникло непреодолимое желание прикоснуться к себе.

Это всё из-за Шона. Из-за алкоголя. Из-за того, что этот проклятый ублюдок весь вечер смотрел на меня так, будто, между нами ничего не закончилось, а потом вышел на улицу и окончательно лишил меня способности нормально мыслить. Да, у меня давно не было близости. Вот и всё. Никакой тайны, никакого странного притяжения к человеку, который, возможно, опасен для меня. Просто моё тело давно

не получало разрядки.

Я медленно прошла в гостиную и села на мягкое кресло. Медленно спустила трусики и бросила их на журнальный столик. Прикрыла глаза и снова представила, как его массивные руки быстро двигали плоть. Рука сама нашла нужный комоч чувствительности, и уже буквально через несколько движения мощный поток удовольствия пронёсся через всё тело. Я расслабленно откинула голову на кресле, переживая остатки только что полученного оргазма.

Телефон неожиданно пикинул, оповещая о сообщении.

Ты очень красивая во время оргазма.

Я резко выпрямилась в кресле, с тревогой озираясь по сторонам.

Он что, видел меня?

Комната была погружена во мрак, и только свет из окон освещал некоторые участки дома. Я начала отчаянно вглядываться в темноту, ожидая увидеть его силуэт. Воображение сразу же начало рисовать тревожные картинки из тьмы край.

- Кто здесь? – громко крикнула в пустоту.

В ответ меня оглушила пугающая тишина. Я медленно встала с кресла, продумывая возможные пути решения ситуации. И когда я уже хотела сделать шаг, громкий удар в дверь заставил мое сердце пропустить удар. Я замерла, с ужасом представляя, что этот человек от меня хочет.

- Открывай, Джосс. Я знаю, что ты там. – громко кричал

Шон за дверью.

Опасаясь, что сейчас он разбудит соседей, и опозорит меня еще больше, я поспешила открыть дверь.

Он стоял на крыльце, тяжело опираясь рукой о дверной косяк. Пьяный. Не слегка навеселе — по-настоящему пьяный. Его рубашка была расстёгнута, волосы растрёпаны, а взгляд казался мутным, хотя, увидев меня, он неожиданно сфокусировался.

— Вот ты где, — произнёс он с таким облегчением, будто искал меня по всему штату.

Я уставилась на него.

— Ты серьёзно?

Он попытался улыбнуться.

— Очень.

— Уходи.

— Джосс... Мне нужно поговорить с тобой.

— Тебе нужно домой.

— Я и пришёл домой. К тебе.

Я медленно моргнула.

— О боже.

— Что?

— Дом твоих родителей напротив, иди туда, или к жене.

— Не называй её.

Я замерла.

— Что?

— Валентину.

Он произнёс её имя с таким раздражением, словно проблема этого вечера заключалась именно в том, что кто-то посмел его упомянуть.

— Ты омерзителен.

— А ты красивая. — он шагнул вперёд.

Я попыталась удержать дверь, но он качнулся, потерял равновесие и практически ввалился внутрь, едва не сбив меня с ног.

— Чёрт!

Я отскочила в сторону. Шон ухватился за стену, выпрямился и оглядел гостиную.

— Я так скучал по тебе. Ты помнишь, как мы с тобой на этом диване...

— Вон.

Он посмотрел на меня и вдруг рассмеялся. А затем с точностью трезвого человека резко двинулся вперед, схватив меня за талию. В нос ударил сильный запах перегара.

— Ну же, Джосс, где же моя страстная девочка. — он притянул меня ближе, с жадностью целуя мою шею. Я начала вырываться, опасаясь, что он оставит мне следы.

Но он, кажется, этого даже не заметил. Его наглые руки начали спускаться вниз, задирая мою юбку, пока не обнаружили отсутствие трусиков.

Черт.

Он довольно хмыкнул, впившись пальцами в голое тело.

— А ты ждала меня, негодница. — он довольно рассме-

ялся.

— Шон, — сказала я строго. — Уходи. Ты женат.

Он перестал улыбаться.

— Хочешь, я разведусь? Я всегда любил только тебя. Ты же знаешь. Ты только скажи.

Я с отвращением попыталась оттолкнуть его от себя.

— Уходи, Шон.

— Из-за...

Он не успел договорить, так как в дом влетела разъяренная Валентина.

Сейчас она выглядела не так, как раньше. Видимо, годы жизни рядом с этим куском дерьма дали о себе знать. Она располнела, ее некогда красивые рыжие волосы потускнели, а под глазами виднелись глубокие темные круги.

— Я так и знала, что ты попытаешься его увести! — она кричала так громко, что надежды не разбудить соседей больше не осталось.

— Как ты смеешь лезть в нашу семью, у нас дети! Он не любит тебя, ты для него давно в прошлом, шлюха!

Я хотела было сказать, что я не знала, что он женат, что он мне не нужен, как она бросилась на меня с кулаками. Она резко схватила меня за волосы, и попыталась ударить головой о стену. От неожиданности я опешила и пропустила первый удар. Из носа хлынула кровь.

Почувствовав боль, во мне поднялась такая ярость, какую я не испытывала никогда в жизни. Я вдруг решила выме-

ститъ на нихъ всю боль и страхъ, какіе испытывала послѣдніе нѣсколько недѣль.

Я схватила тяжелую керамическую вазу и закричала:

— Пошли вон из моего дома, два куска неудачников. Что-бы я не видела никого из вас даже рядом. Еще раз придѣ-те сюда, я вас упеку за проникновение в частную собствен-ность. Считаю до трех, пока вы не свалите. — неожиданно Шон, видимо окончательно протрезвевшій от накалившей-ся ситуации, схватил свою жену за руку, и выволок ее из мо-его дома.

Я громко захлопнула за ними дверь, а затем медленно прошла обратно в гостиную, и рухнула на диван.

Мастурбирующий неизвестный мужчина в маске.

Шон.

Его сумасшедшая жена.

Сил подняться в спальню больше не оставалось, и через несколько секунд я уже провалилась в тяжѣлый, беспокой-ный сон.

Глава 5

Проснулась я с таким ощущением, будто ночью по мне проехал трактор. Несколько секунд я лежала с закрытыми глазами, пытаюсь понять, почему моя кровать вдруг стала настолько неудобной. Спина ныла, шея затекла, а холодный утренний воздух неприятно касался открытых ног. Когда я наконец заставила себя открыть глаза, передо мной оказался не привычный потолок спальни, а гостиная.

Диван.

Я медленно села, тут же поморщившись от боли в висках.

Воспоминания начали возвращаться не сразу. Бар, затем Шон, его поцелуй, потом Валентина. Её перекошенное от ярости лицо. Удар.

Я осторожно коснулась щеки и поморщилась.

— Кажется пора сваливать отсюда, — пробормотала я.

В голове шумело, во рту пересохло, а воспоминания о вчерашнем вечере становились всё отчётливее и вместе с этим — всё хуже. Мне понадобилось несколько секунд, чтобы вспомнить ещё кое-что, из-за чего я окончательно перестала жалеть себя.

Мужчина, которого я не могла назвать иначе, кроме как своим сталкером.

Я резко выпрямилась, но тут же пожалела об этом, потому что комната перед глазами поплыла, заставив меня ухва-

титься за спинку дивана.

— Господи, — простонала я. — Больше никогда.

Обещание звучало не слишком убедительно, учитывая количество раз, когда я давала его себе после подобных вечеров.

Мне отчаянно хотелось принять душ и переодеться. Желательно ещё стереть последние сутки из памяти, но, поскольку современной медицине пока не удалось изобрести такую услугу, пришлось ограничиться водой и аспирином.

Я поднялась с дивана и уже собиралась направиться наверх, когда мой взгляд остановился на журнальном столике. Что-то было не так.

Я нахмурилась, ещё раз оглядывая лежащие на нём вещи. Телефон, резинка для волос, одинокая серёжка, которую я, вероятно, потеряла ещё ночью, и стакан с остатками воды — всё выглядело именно так, как и должно было выглядеть после моего вчерашнего состояния.

Я медленно подошла ближе. Трусиков не было.

Несколько секунд я просто смотрела на столик, ожидая, что память сейчас подкинет мне объяснение, но ничего не происходило. Я совершенно отчётливо помнила, как сняла их и бросила именно сюда. Не куда-то рядом, не на пол, не на кресло.

Сюда.

Я присела, заглянула под столик, затем проверила пространство между диваном и креслом. После этого поднялась

и отодвинула кресло, чувствуя, как внутри постепенно появляется неприятное напряжение.

Мысль пришла настолько быстро, что я даже не успела её остановить.

Ты очень красивая во время оргазма.

От воспоминания по коже пробежали мурашки.

Я медленно выпрямилась и оглядела гостиную, будто только сейчас действительно увидела помещение, в котором провела ночь. Окна были закрыты. Входная дверь тоже. На первый взгляд всё оставалось на своих местах, и всё же после сообщения, которое я получила вчера, собственный дом больше не казался мне настолько безопасным, как раньше.

Я попыталась глубоко вдохнуть и заставить себя мыслить рационально. Вчера здесь была не только я, но и Шон. Эта мысль принесла облегчение лишь на мгновение, потому что затем я представила как отреагирует Валентина, когда обнаружит мои трусики у Шона в кармане.

Кроме того, раньше он уже так делал. Когда мы были подростками, Шон обладал раздражающей привычкой забирать вещи, которые ему не принадлежали, а потом с совершенно довольным видом наблюдать, как я переворачиваю комнату вверх дном.

— Это Шон, — сказала я вслух, скорее пытаюсь убедить себя, чем действительно веря в собственные слова. — Сто процентов Шон.

Я поднялась наверх, решив, что сначала приму душ, а уже

потом буду разбираться с тем, какой из мужчин в моей жизни окончательно потерял чувство границ.

В ванной я включила воду, стянула с себя одежду и только потом посмотрела на своё отражение. На шее отчётливо выделялись красноватые следы.

Будь ты проклят, Шон Стаккери.

Я подошла ближе к зеркалу, слегка повернула голову и провела пальцем по одному из засосов. От прикосновения кожа отозвалась лёгкой болью, и вместе с ней внутри снова поднялось раздражение.

— Надеюсь, Валентина не выбьет тебе все зубы, — тихо сказала я своему отражению.

Телефон, лежавший рядом с раковиной, завибрировал. На экране снова высветился неизвестный номер. Сердце ударилось сильнее, и я вдруг особенно остро почувствовала собственную наготу.

Я взяла телефон.

Когда ты позволишь мне посмотреть на тебя вживую, красавица?

Я перечитала его дважды.

Вживую.

От этого слова по спине медленно пробежал холодок. Будто он не просто хотел встретиться, будто он уже находился достаточно близко, чтобы ждать моего разрешения.

Я резко обернулась. За моей спиной была только ванная.

Пустая.

Я заставила себя усмехнуться, хотя получилось не слишком убедительно.

— Псих.

И в ту же секунду снизу послышался звук. Это не было похоже на скрип старого дома или случайно упавшую вещь. Звук был слишком отчётливым, чтобы я могла убедить себя, будто мне показалось.

Кто-то ходил вниз.

Сердце забилося быстрее. Я быстро схватила полотенце, обернула его вокруг тела и подошла к двери. Несколько секунд стояла неподвижно, прислушиваясь к тишине, которая внезапно стала настолько глухой, что я могла различить собственное дыхание.

Затем медленно нажала на ручку. Дверь приоткрылась, и я выглянула в коридор.

Никого.

Солнечный свет падал через окно в конце лестницы, освещая старое дерево на полу. Всё выглядело совершенно обычным, и именно это почему-то пугало сильнее всего.

Я осторожно вышла из ванной и направилась к спальне. Дверь была открыта.

Я замедлилась.

Утром я почти не заходила сюда, поэтому не могла с уверенностью сказать, оставила ли её открытой сама. После вчерашнего количества алкоголя мой мозг вообще не являлся надёжным источником информации.

Я сделала ещё несколько шагов и остановилась.

На кровати лежали мои трусики.

Я смотрела на них, не двигаясь, чувствуя, как внутри медленно поднимается ледяная волна.

Белая ткань лежала почти посередине покрывала, словно кто-то специально положил её туда, чтобы я обязательно заметила.

Я прекрасно помнила, где оставила их вчера: на журнальном столике, точно не на собственной кровати.

Он был здесь.

Сначала эта мысль заставила меня напрячься, но затем разозлила.

Как же мне надоело.

Надоело бояться каждого звука.

Надоело проверять телефон и ожидать нового сообщения.

Надоело чувствовать себя так, будто кто-то превратил мою жизнь в спектакль и уселся где-то в первом ряду, уверенный, что имеет право смотреть.

Я больше не хотела быть зрителем в собственной истории.

Сжав пальцы в кулак, я резко развернулась и вышла в коридор.

— Ну выходи, — громко сказала я, глядя в сторону лестницы. — Ты ведь этого хочешь?

Дом ответил тишиной. Я почувствовала, как злость становится сильнее.

— Покажись уже, чёрт возьми.

Мой голос эхом разнёсся по пустому дому.

Я спустилась на несколько ступеней, оглядывая гостиную.

— Ты столько обо мне знаешь. Следишь за мной. Пишешь мне. Смотришь на меня...

Я замолчала, потому что последние слова неожиданно прозвучали совсем иначе, чем я хотела.

Перед глазами всплыло вчерашнее сообщение.

Ты очень красивая во время оргазма.

Пальцы сжались сильнее.

— Так покажись, — я продолжала кричать. — Я хочу знать, кто ты.

Телефон завибрировал. Я вздрогнула, едва не выронив его.

Несколько секунд я просто смотрела на экран, после чего вернулась в ванную и захлопнула дверь за собой.

Только потом до меня дошло, насколько бессмысленно это было. Если он действительно находился в доме, тонкая деревянная дверь ванной вряд ли могла меня защитить.

Я разблокировала телефон.

Я приду вечером.

Почти сразу пришло следующее.

Жди.

Я долго смотрела на экран, а затем подняла глаза на своё отражение в зеркале. На мне было только полотенце. На шее темнели следы от поцелуев другого мужчины. За дверью на-

ходилась пустой дом, который вдруг перестал казаться мне моим.

Я стиснула телефон в руке и почувствовала, как злость снова смешивается с тревогой.

— Только попробуй.

Однако, произнеся это вслух, я вдруг поймала себя на мысли, от которой стало ещё хуже.

Я не была уверена, кому именно это предназначалось.

Ему или мне самой.

В дверь постучали так неожиданно, что я вздрогнула.

Несколько секунд я стояла посреди коридора, не двигаясь. После всего, что произошло этим утром, любой звук в доме воспринимался иначе. Слишком отчётливо, слишком близко.

— Джосс? — донёсся снаружи знакомый голос. — Ты там живая?

Я медленно выдохнула. Это была Мегги.

И всё же, прежде чем открыть дверь, я машинально посмотрела на телефон, лежавший в моей руке. Никаких новых сообщений.

Я поправила волосы, плотнее запахнула кардиган и повернула замок.

Мегги стояла на крыльце с двумя стаканами кофе и выра-

жением лица человека, который пришёл не просто поздороваться.

Её взгляд медленно скользнул по мне сверху вниз.

Остановился на шее.

— О. — я нахмурилась.

— Что?

Она протянула мне стаканчик.

— Просто теперь я понимаю, почему Шон сегодня утром выглядел так, будто подрался с собственной жизнью и проиграл.

Я взяла кофе.

— Его...побили?

— Ага, жена — она задумалась, проходя мимо меня в дом.

— Скажем так, уже не первый раз

Я закрыла за ней дверь.

— Кто бы мог подумать, что это именно он жертва абьюза... Какая драма.

— Нет, драма — это когда ты исчезаешь на несколько лет, возвращаешься в город, в первый же вечер целуешься со своим бывшим, а утром я встречаю его с разбитой губой.

Я застыла.

— Вы спали? — Мегги повернулась ко мне.

— Нет!

— Да ну!

— Нет, Мегги! Он пришел сюда вчера ночью пьяный, но его жена, видимо, знает его слишком хорошо. Я выгнала их

обоих.

Я медленно сделала глоток кофе.

— Она меня ударила.

— Что?! И она еще жива? А как же Джосселин-ака-Боксерские перчатки?

Она прошла в гостиную, опустилась на диван и похлопала ладонью рядом с собой.

— Я не дерусь с беременными. И в целом... больше не дерусь.

— Звучит скучно.

— Я серьёзно.

Я устроилась рядом. Мегги повернулась ко мне всем корпусом.

— Итак, у тебя, типа, кто-нибудь есть?

Я уже знала этот взгляд. Я хотела рассказать ей об этом сталкере, но в последний момент передумала. После той истории с отцом, это будет выглядеть... плохо.

— Вообще-то есть кое-кто, но он довольно навязчивый.

— Какая база?

Я отпила кофе.

— Нулевая. Я думаю, что он псих. Вчера прислал видео, как наяривает себе в темной комнате.

Она даже не моргнула.

— Ого... Это ваши городские игрища, да – она засмеялась.

На телефон пришло уведомление, и я замерла, в ожида-

нии увидеть *Неизвестный*

— Ты в порядке? — голос Мегги вырвал меня из мыслей. Это было просто сообщение от Оливии.

Мегги внимательно смотрела на меня, ожидая услышать продолжение. Я хотела рассказать, сказать ей, что меня преследует человек, которого я никогда не видела, что он знает обо мне слишком много, что я больше не чувствую себя в безопасности в собственном доме.

Слова уже почти сорвались с губ.

Мегги, за мной кто-то следит.

Она не поймет, она предложит обратиться в полицию. Она не знает всей картины, не знает то, что знаю я.

— Джосс? — моргнула.

— Что?

— Ты зависла.

— Просто думаю.

— О Шоне?

— Нет.

— Значит, точно о Шоне. — Мегги улыбнулась.

Я покачала головой.

— Вообще-то я думаю о доме — она посмотрела по сторонам.

— А что с ним?

Я тоже огляделась. Старый диван. Потёртый ковёр. Лестница, по которой я бегала ребёнком.

— Я хочу его продать. — Мегги медленно повернулась ко

мне.

— Серьёзно?

— Да.

— Ты же только вернулась.

— И что?

— Это же дом твоих родителей.

Я усмехнулась.

— Именно в этом и проблема.

Она несколько секунд молчала, а потом кивнула.

— Хорошо. Если хочешь продать, продадим.

Она поднялась.

— Где у тебя мусорные пакеты? — я посмотрела на неё.

— Что ты собираешься делать?

— Помогать тебе избавиться от хлама.

Через десять минут мы уже стояли в моей комнате, окружённые коробками.

Оказалось, за годы моего отсутствия я каким-то образом накопила огромное количество вещей, которые не имели никакой ценности.

Мегги вытаскивала всё подряд, а я решала судьбу каждой вещи.

— Это выбрасываем? — она подняла какую-то ужасную розовую футболку.

Я посмотрела на неё.

— Господи.

— Что?

— Я действительно это носила?

— Каждый вторник.

— Почему ты меня не остановила?

— Я пыталась.

— Врёшь.

— Хорошо. Мне нравилось смотреть, как ты страдаешь.

Я выхватила футболку у неё из рук и бросила в пакет.

— Сжечь.

Через некоторое время Мегги достала старую коробку.

— О.

Я посмотрела внутрь. Мои старые дневники. Некоторые были совсем старыми, еще со времен начальной школы, бумага в них пожелтела, а чернила потускнели. Мы с Мегги сели на пол и начали читать мои детские истории из школы.

Там было про Шона, про его бабушку, про родителей.

Я быстро положила дневник обратно.

— Это всё оставляем.

К вечеру, когда солнце уже начало садиться, я вышла на улицу проводить Мегги к машине. Она всё дразнила меня Шоном, и просила больше не подставлять его под удар Ва-

лентины.

Как будто это от меня зависело.

Она начала спускаться с крыльца, но вдруг остановилась.

— Джосс.

— Что?

Мегги посмотрела через дорогу, и я проследила за её взглядом. На крыльце дома напротив стояла женщина. Бабушка Шона.

Время её изменило, но в ней по-прежнему прослеживался её эксцентричный стиль. Её волосы почти полностью поседел, лицо прорезали глубокие морщины, но глаза остались прежними.

Она посмотрела на меня несколько секунд, а потом медленно улыбнулась.

— Джоселин? — что-то сжалось у меня внутри.

— Здравствуйте.

Она спустилась с крыльца.

— Господи...

Она обняла меня.

— Девочка...

Я почувствовала странную глухую боль где-то под рёбрами. Когда-то я проводила в этом доме столько времени, что её голос был частью моего детства. Запах её кухни. Старый телевизор. Шон, который постоянно что-то ломал. Маленький Итан.

— Посмотри на себя, — она отстранилась и взяла меня за

лицо. — Какая ты красавица.

Я улыбнулась.

— Вы тоже почти не изменились.

Она рассмеялась.

— О, я так точно. Скоро поеду сниматься в рекламе для крема от морщин. — она рассмеялась.

Бабушка Шона в прошлом известная модель.

Мегги попрощалась с нами и ушла, а миссис Стаккери продолжала держать меня за руку.

— Зайдёшь на чай?

Я посмотрела на свой дом.

— Конечно.

Внутри её дома всё осталось почти таким же. Тот же запах дерева, те же старые часы, фотографии на стенах. На одной из них мы с Шоном, еще дети, сидим на качели.

На другой — он с братом.

Она поставила чайник, и мы несколько часов говорили о самых обычных вещах.

О том, где я была, о Нью-Йорке, о моей работе, о том, что она иногда видела меня в интернете.

— Ты наша местная звезда, — она улыбнулась. — Твои родители гордились бы тобой.

Я опустила взгляд. От этих слов у меня так защемило в груди, что на глаза подступили слёзы. Здесь, рядом с ней, я снова ощутила себя маленькой девочкой, у которой умерли родители.

Она поставила передо мной чашку, а потом вдруг села рядом, её улыбка исчезла.

— Я должна перед тобой извиниться.

Я нахмурилась.

— За что?

— За Шона.

Я медленно поставила чашку.

— Вам не нужно извиняться за него.

— Он мой внук. Я тоже виновата в его воспитании.

Я не знала, что ответить.

Она покачала головой.

— Он всегда был слабым.

Я посмотрела на неё.

— Слабым?

— Да.

Она произнесла это спокойно, без злости.

— Шон рано потерял родителей, и поэтому всегда хотел казаться сильнее, чем есть на самом деле. Когда ему страшно, он злится. Когда ему больно, он делает больно другим.

Я вспомнила прошлую ночь.

Его пьяный голос.

Извинения.

Его пальцы.

Валентину.

И то, как быстро всё превратилось в очередную катастрофу.

— Он не изменился, — тихо сказала я.

— Некоторые люди не меняются, пока не потеряют всё.
Я подняла на неё глаза.

— А потом?

Она грустно улыбнулась.

— А потом иногда становится слишком поздно.

Мы замолчали.

Я смотрела на пар, поднимающийся над чашкой.

Она вздохнула.

— Твои родители...

Я напряглась, в груди появилось знакомое ощущение, будто кто-то медленно сжал сердце.

— Они не заслужили того, что с ними случилось.

Я не смотрела на неё.

— Я знаю.

— И ты не заслуживала остаться одна.

Мои пальцы сильнее сжались вокруг чашки. Она накрыла мою руку своей.

— Но ты справилась.

Я медленно подняла глаза.

— Ты выбралась отсюда. Построила свою жизнь, карьеру.
Карьеру.

— Ты сильная, Джоселин, — сказала она. — Всегда была.

Я усмехнулась.

— Не уверена.

— А я уверена.

Она взяла мою руку.

— Шон слабый. Всегда был. И, боюсь, всегда будет.

Я посмотрела на фотографию на стене. Два мальчика.

Шон и Итан.

— А Итан?

Она замолчала. Я сразу заметила это.

— Что с ним?

Её лицо изменилось.

— Итан другой.

— В каком смысле?

Она долго смотрела в чашку.

— Он вернулся недавно.

Я нахмурилась.

— Вернулся откуда?

Она подняла глаза.

— Из тюрьмы.

Мне показалось, что я неправильно расслышала.

— Он был осуждён.

Несколько секунд я просто смотрела на неё.

— Итан?

Она кивнула.

— За что?

— Не спрашивай.

— Он... сидел?

— Да. — я откинулась назад, вспоминая парня, которого видела рядом с Шоном. Он выглядел абсолютно...нормаль-

но.

Перед глазами вдруг появился совсем другой Итан: худой мальчишка с вечно растрёпанными волосами. Тот, который всегда ходил за нами с Шоном. Он почти никогда не смотрел мне в глаза.

Я помнила, как однажды Шон разбил мне окно мячом. Он смеялся, а Итан молча помогал мне собрать осколки.

— Но он был... — я не закончила.

Милым.

Это слово вдруг показалось мне слишком наивным.

Бабушка Шона грустно улыбнулась.

— Люди меняются, Джоселин.

Когда я вернулась домой, солнце уже почти скрылось.

Внутри было темно. Я закрыла дверь и несколько раз проверила, точно ли я закрыла дверь. На всякий случай активировала сигнализацию.

Я хотела подняться на верх, когда мой телефон зазвонил. Это была Оливия.

Я провела пальцем по экрану.

— Привет.

— Наконец-то, — выдохнула Оливия. — Я уже начала думать, что ты решила окончательно исчезнуть и оставить меня разбираться с этим цирком одну.

Я невольно улыбнулась.

— Каким цирком?

— Твой аккаунт, твои контракты, твои рекламодатели, люди из команды. И ещё куча журналистов, которые хотят паразитировать на твоей ситуации.

— Ты им сказала, где я?

— Конечно нет.

Я сняла обувь и медленно прошла в гостиную.

— Что с аккаунтом?

Оливия замолчала на секунду.

— Пока ничего. — я закрыла глаза.

— Джосс, послушай. Я нашла других специалистов.

Я остановилась.

— Каких?

— IT-команду.

Внутри что-то дрогнуло.

— Ты же говорила, что никто не хочет браться за это после того, как предыдущие специалисты не смогли ничего сделать.

— Именно поэтому я искала дальше.

Я услышала, как Оливия перелистывает какие-то бумаги.

— Они работают с такими вещами. Восстановление доступа, поиск источника атаки, анализ удалённых данных. Я отправила им всё, что у нас осталось.

— И?

— Они готовы взяться.

Я впервые за последние несколько часов почувствовала что-то похожее на надежду.

— С гарантией результата?

— Насколько вообще можно что-то гарантировать в этой ситуации, — уточнила Оливия. — Но они сами сказали, что готовы работать до тех пор, пока не получат результат.

Я медленно села на край дивана.

— Когда они начинают?

— Как только ты дашь добро.

Я посмотрела на тёмное окно, в котором отражалась моя гостиная. На секунду мне снова показалось, что за мной оттуда кто-то наблюдает.

Я отвернулась.

— Давай.

— Правда?

— Да.

— Отлично. — в голосе Оливии прозвучало облегчение.

— Тогда я отправлю им всё сегодня. И ещё...

— Что?

— Когда ты возвращаешься? — я промолчала.

— Джосс?

— Как только продам дом.

— Ты серьёзно решила его продать?

— Да.

— Так быстро?

Я провела пальцами по краю дивана.

— Я поняла, что больше не хочу здесь жить. — это было проще сказать, чем объяснить почему.

Оливия немного помолчала.

— Я могу приехать, помочь.

Я ничего не ответила.

— Джосс?

— Я просто...

Голос предательски дрогнул. Я отвернулась к окну.

— Я очень устала, Олив.

— Я знаю.

Я сглотнула, слова застряли где-то в горле.

Я столько лет убеждала себя, что мне никто не нужен, что я привыкла быть одна, что одиночество — это моя свобода, что можно просыпаться в огромной квартире, завтракать в одиночестве, работать до ночи и считать это нормальной жизнью.

Но сейчас я сидела в старом доме, где когда-то жили мои родители, и впервые позволила себе произнести это вслух.

— Мне очень одиноко. — на другом конце повисла тишина.

Я опустила голову.

— Очень.

— Тогда я приеду, — наконец сказала она. Я покачала головой, хотя она не могла этого увидеть.

— Не надо.

— Джосс...

— Правда. Не приезжай.

— Ты только что сказала, что тебе одиноко.

— Потому что это правда. Но я не хочу, чтобы ты бросала всё из-за меня.

— Я твоя правая рука. Твой менеджер, твой стилист, твой повар, иногда бариста, иногда психолог. Мне положено бросать всё ради тебя. Спасать.

Я усмехнулась сквозь ком в горле.

— Тогда спаси другое.

— Что?

— Все мои сотрудничества. Те, которые сейчас стоят на паузе, свяжись с ними. Попробуй вернуть то, что можно вернуть. Если кто-то хочет дождаться моего возвращения — пусть ждёт. Если нет — пусть уходит.

— Джосс...

— Мне нужно, чтобы хоть что-то продолжало двигаться. Оливия замолчала.

— И не приезжай.

Несколько секунд мы просто молчали.

Потом Оливия тихо сказала:

— Звони мне в любое время

Я посмотрела на тёмное окно.

— Хорошо.

— Не оставайся там совсем одна.

— Пока, Олив. — я отключилась.

В доме снова стало тихо.

Я поднялась наверх и зашла в комнату родителей. Дверь открылась с тихим скрипом. Всё выглядело так, будто время здесь остановилось.

Я подошла к шкафу и несколько секунд просто стояла перед ним, потом открыла небольшую дверцу и ввела пин код от сейфа.

Внутри лежали документы на дом, часы отца и несколько вещей, к которым я никогда не прикасалась. А под ними — его оружие.

Я взяла его. Холодный металл лёг в ладонь неожиданно знакомо.

Перед глазами всплыло воспоминание. Мне двенадцать, отец стоит рядом со мной на стрельбище, а я рядом держу оружие слишком напряжённо.

— Расслабь руки.

— Я боюсь.

Он смотрит на меня серьёзно.

— Ты должна уметь защитить себя, Джо.

Я смотрю на мишень.

— От кого?

Он не улыбается.

— Надеюсь, ни от кого

Воспоминание исчезает, и я снова стою в комнате родителей перед сейфом. Оружие всё ещё лежит в моей руке.

Если кто-то намеревается сегодня причинить мне вред, то он очень сильно пожалеет.

Я медленно спустилась вниз. Гостиная по-прежнему была завалена коробками, которые мы с Мегги до конца не разобрали. Я подошла к той, в которой лежали мои детские дневники и вытащила самый старый.

Я устроилась на диване, прижав колени к груди, и читала собственные воспоминания. Впервые за много лет мне захотелось узнать, какой я была до того, как меня начали узнавать миллионы людей. Только сейчас я осознала, что моя любовь к ведению дневников никуда не ушла с годами, а скорее трансформировалась в другой, более публичный формат.

Я перелистнула несколько страниц.

Сегодня Шон опять забрал мой велосипед. Ненавижу его.

Я усмехнулась.

Следующая запись была через несколько лет.

Шон сказал, что я красивая. Потом сказал, что пошутил. Ненавижу этого яйцеголового.

Я усмехнулась. Точно, *яйцеголовый*.

— И как я только могла забыть.

Ещё несколько страниц.

Сегодня Шон меня поцеловал. Теперь я официально его девушка.

Я рассмеялась, но улыбка быстро исчезла.

Дальше почерк становился взрослее.

Сегодня Шон разозлился, что я разговаривала с Бредом Саммерсом. Он ударил кулаком дверь в столовой. Его бабушку вызвали в школу.

Я остановилась.

Шон сказал, что если я только посмотрю на другого парня, он сделает мне очень больно.

Пальцы замерли на странице, я вспомнила его вчерашний взгляд, наглые руки, пьяные

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.